

18+

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Городская
фантастика

лучшие рассказы конкурса
«Полис»

Конкурс Квazar

Алексей Жарков

**Избранные. Городская
фантастика**

«Издательские решения»

Жарков А. С.

Избранные. Городская фантастика / А. С. Жарков —
«Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-44-986007-1

Перед вами сборник рассказов финалистов конкурса городской фантастики «Полис». Всего в конкурсе приняли участие 66 авторов с 82 произведениями. В течение трёх недель они, а также пять членов жюри, сформированного из победителей предыдущих конкурсов, выбирали лучшие рассказы. В этот сборник вошли 15 самых-самых. Несмотря на ограниченные размеры в пространстве, города являются бездонным источником самых разных слухов, легенд и невероятных историй, фантастических персонажей, героев и злодеев.

ISBN 978-5-44-986007-1

© Жарков А. С.
© Издательские решения

Содержание

Война	7
Ведьма и пять хомячков	16
Таковы правила	26
Шатун	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Избранные Городская фантастика

Редактор Алексей Жарков

Дизайнер обложки Алексей Жарков

Иллюстратор Игорь Сарасонов

Иллюстратор Руслан Станчула

Иллюстратор Оксана Войтюк

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2020

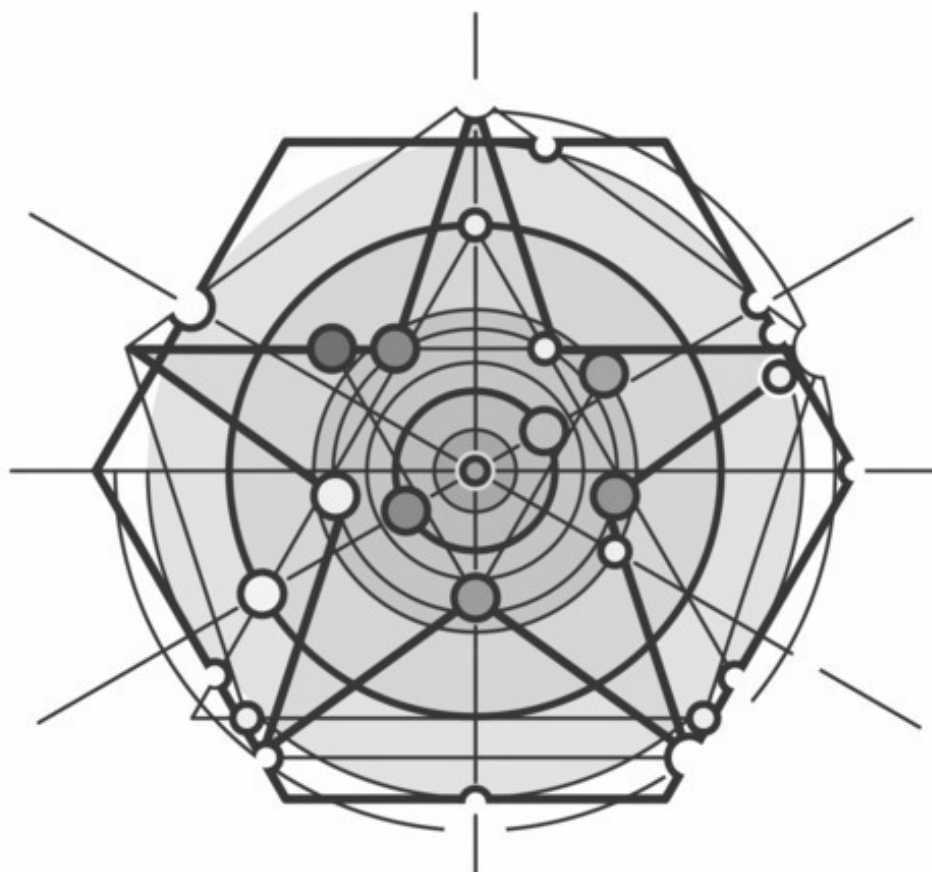
© Игорь Сарасонов, иллюстрации, 2020

© Руслан Станчула, иллюстрации, 2020

© Оксана Войтюк, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6007-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Война Арсений Абалкин

Глиняная птичка, дурацкая свистулька. Не боевой робот, не игрушечный автомат, не пистолетик с резиновыми пулями... Но Вик знал, что именно эту грубо раскрашенную поделку, которую они нашли по дороге в школу, ужасно хотел получить Лео. Однако, неизвестно почему, из какой-то дурацкой вредности, старший брат в тот раз пожадничал, и нелепая ерундовина осталась в его кармане. Странное, приятное, ни на что не похожее чувство: трогать ее. Теплая. Будто что-то живое. Может быть, потому, что это – единственное, что принадлежало только ему; все остальное они делили с Лео.

Они были погодками, Вик и Лео. Всегда вместе, всегда горой друг за друга: Вик сильнее и драчливее, зато Лео смысленнее, даже с хитрецей. Когда Вик уставал махать кулаками в мальчишеской драке, Лео всегда догадывался швырнуть горсть песка в глаза его противнику или подставить тому ножку. Братья верховодили среди пацанов своего возраста, и ни у кого не возникало сомнений, что одного из них возьмут в солдаты.

Быть настоящим солдатом – большая честь, все мальчишки мечтают об этом. Солдаты защищают Город от проклятой Федерации. Они – лучшее, что есть в Городе: его надежда, его гордость, его элита. В солдаты берут тех, кто успешнее всех проходил ежегодные тесты, которым подвергаются все мальчики в возрасте с двух до двенадцати лет. Год за годом военные врачи следят за развитием детей и в конце концов отбирают тех, кто справится со сложной задачей защиты Города от врага.

А остальные... что ж, те, кому повезло меньше, становятся работниками тыла. Однако они тоже вносят свой вклад в войну. Как говорится: «Все для фронта, все для Победы!» Этот лозунг самый популярный, его можно увидеть всюду – от детского сада до госпиталя. Этому призыву подчинены все силы Города: работники тыла работают на износ, а снабжение у них намного хуже, чем у солдат; время от времени им приходится даже голодать. Зато, в отличие от бойцов, которые в буквальном смысле жертвуют собой, они имеют право обзаводиться семьями, детьми, и даже отдельным жильем.

Солдаты же – с момента призыва в двенадцать лет и вплоть до гибели – навсегда оторваны от своих близких, у них нет ничего и никого, кроме Армии. Несколько лет, составляющих срок кадетской учебы, они проводят в казармах, с ровесниками, которые станут их боевыми товарищами, их единственной семьей. Получив все необходимые навыки и овладев всеми видами оружия, юноши переселяются во взрослые казармы, и начинается их жизнь на передовой. Считается, что связь с прошлым вредит формированию истинного солдата. Поэтому такое строго запрещено: день призыва – это день, когда мальчик в последний раз видит тех, с кем рядом вырос. В древности вроде бы существовали такие ордена – рыцарей-монахов; только воевали они за какую-то ерунду, не то что солдаты Города...

Такие жестокие меры, конечно, временны. Но они необходимы, иначе не победить. Ведь враг – Федерация – силен и коварен, неизмеримо сильнее Города, и только героический дух и беззаветная храбрость защитников позволяют ему жить и бороться.

Город огромен. Его прежний облик уже успел изгладиться из памяти людей, он навсегда похоронен под руинами, оставленными Большой Войной. Время тяжелое, и следы разрушений до сих пор не стерлись. Между однообразными серыми постройками послевоенных лет тут и там темнеют пустыри на месте разбомбленных зданий, зияют провалами выбитых окон остовы старых домов. Черные стрелы дорог, прорезающие пространства выжженной, покрытой трещинами и воронками земли, ведут к военным заводам и фабрикам, где днем и ночью

не прекращается работа. Рубежами из железобетона, стали и колючей проволоки Город разделен на зоны; с наступлением комендантского часа сообщение между ними прекращается.

Раньше, до Большой Войны, Город вполне мог бы называться страной. Но теперь все прежние различия между странами – нации, расы, языки, религии – потеряли значение. Теперь важно лишь одно: мутации или их отсутствие, Чистота. Город – единственное пятно земли, которая осталась незараженной после Большой Войны. И здесь собрались те, чья кровь сохранилась незапятнанной, те, в ком есть Чистота. Твари же, прежде бывшие людьми, и их потомки – оказались за пределами Города и объединились в Федерацию. Как устроена Федерация, никто точно не знал: ни один из разведчиков, отправленных Городом в стан врага, не вернулся назад. Доподлинно известно было лишь одно: мутанты ненавидели саму идею Чистоты, ненавидели Город и его обитателей, постоянно нападали на его рубежи и задались целью сравнять его с землей.

Силы были неравны: твари обладали сверхчеловеческими способностями. Некоторые из них могли на время мимикрировать под людей – да так, что и не отличишь. Таких тайно забрасывали в Город для шпионажа. Поэтому все, связанное с Армией, было покрыто строжайшей секретностью. Между частями, расположенными на границах города, не было никакой связи, кроме сверхсекретной линии, к которой имели доступ только командиры. Каждый день менялись пароли и опознавательные знаки – нашивки определенного цвета, которые крепились на броню солдат. Необходимость в знаках возникла оттого, что обе стороны эксплуатировали технику и оружие, оставшиеся от Большой Войны – и противник пользовался этим, раз за разом пытаясь выдать тварей за защитников Города и внести сумятицу в их ряды.

Подлость была изначально присуща тварям, текла в их испорченной крови. Те из них, кого мутации наградили даром телепатии, постоянно вели диверсионные мыслепередачи. Они стремились запугать жителей Города, подорвать их боевой дух и веру в победу. Они внушали людям сомнения в мудрости Главнокомандующего и в справедливости войны, распространяли пораженческие настроения, провоцировали дезертирство. Тех, кто поддавался на эти диверсии, в условиях военного положения приходилось уничтожать, так как Город ни на минуту не мог позволить своим обитателям панику и ослабление сопротивления.

Но на самом деле все помыслы жителей Города были о мире. Победить наконец агрессоров, не дающих заняться мирным трудом, и начать жить спокойно. Преодолеть временные трудности со снабжением и отдыхать раз в неделю – как до Большой Войны. О тех временах рассказывали оставшиеся в живых деды, но чем дальше, тем больше их рассказы походили на прекрасную несбыточную мечту.

Зависть проклятых тварей не давала этой мечте сбыться. Мутации исковеркали облик бывших людей, хаотичная пляска генов обезобразила их, превратив в чудовищ. С помощью ужасных экспериментов они зашли еще дальше, стимулируя свои и без того расчеловеченные организмы приобретать все более отвратительные черты – солдаты их были настолько токсич-

ными, что людей могло отравить одно их дыхание, одно прикосновение к их ядовитой коже. Поэтому командование отдало приказ: прямой контакт опасен, предпочтительна работа огнем на расстоянии; даже трупы врагов необходимо тут же сжигать, чтобы избежать отравления.

Те времена, когда армии сходились друг против друга в чистом поле, давно прошли. Теперь война – это спецоперации, быстрые вылазки небольшими отрядами. Каждый отряд автономен и выполняет собственное задание. Иногда необходимо защищать какой-то участок границы Города от диверсантов противника; иногда приходится выбивать врага с позиций, на которых ему удалось закрепиться, сломав оборону другого отряда.

Миролюбие граждан Города не знает границ, но живя в осажденной крепости, они вынуждены пребывать в постоянной готовности к отпору. Бог войны всегда требовал поклонения и жертв – и ему молились истово. Проводили парады детских колясок, декорированных под военную технику былых времен (а в колясках ехали младенцы в крошечной военной форме). Организовывали школьные праздники, где шеренги детей нестройно маршировали с военно-патриотическими песнями под строгими взглядами орденосных портретов. Те школьники, которых не отобрали в солдаты, наряду с обычными уроками каждую неделю учились бросать гранаты и собирать автомат – на всякий случай. Для жителей Города Бог войны назывался Миролюбием. И наверное, он с одобрением взирал на своих адептов.

...В день, когда Вика забрали в армию, что-то с самого начала пошло не так. Нет, все вроде бы было согласно правилам: имя Вика зачитали на торжественной школьной линейке; приятели с восторженными воплями окружили его, награждая дружескими тычками; учительница произнесла нудное поздравление, во время которого он неловко переминался с ноги на ногу, ловя завистливые взгляды. Вдобавок, его отпустили с уроков – какая уж теперь школа! Наверное, то, что он чувствовал, следовало назвать радостным волнением – ну, а чем же еще? Но вот странность: искренняя гордость родителей, и особенно, мамы – невольно покорила, что ли... Мама, порозовевшая, счастливая, поминутно всплескивая руками и захлебываясь от восторга, без умолку говорила о том, каким он станет героем, а в груди у Вика почему-то ныла совсем неуместная детская обида. Было ли это какое-то непонятное разочарование или досада?... Как если бы он вдруг захотел, чтобы маме стало жаль отпускать его, чтобы она опозорилась, как соседская Валда, которая выла на весь квартал, прощаясь с сыном. Тогда он всем сердцем презирал соседку, а сегодня по-дурацки злился на маму, которая вела себя безупречно, как настоящая мать солдата, благословляющая его на патриотический подвиг. Он сам не знал, чего хочет, и только все сильнее сжимал в кармане теплую глиняную птичку.

Зато Лео – Лео повел себя как последний дурень, еще хуже, чем тетка Валда. Услышав в школе новость о Вике, сорвался с последнего урока и стремглав примчался домой. Расплакался, как девчонка, умолял родителей придумать что-нибудь и не отпускать брата (как будто и правда верил в то, что взрослые всемогущи). До самого вечера хвостиком ходил за Виком, поминутно цепляясь за рукав и хлюпая сопливым от рыданий носом. Вик даже немного растерялся от такого напора – у них в семье было не принято бурно проявлять свои чувства, и он скорее ожидал от младшего брата сдержанной зависти.

Когда за Виком пришли, Лео устроил настоящую истерику: набросился на патруль, царапался и кусался, как зверек, не слушая увещаний красной от стыда мамы. И в конце концов повис на Вике, жалко скуля:

– Вик, не уходи, не уходи, пожалуйста! Тебя там убьют! Вик, миленький, не уходи, пожалуйста! Пожалуйста...

И тогда Вик внезапно вынул из кармана руку со сжатой в ней глиняной птичкой.

– Это тебе... Не плачь... – и с силой втиснул свистульку в ладонку брата.

От неожиданности Лео прекратил реветь, невольно засмотрелся на желанную игрушку. Потом, видимо, все же понял, что ничего изменить нельзя – стоял как потерянный, опустив

плечи и тоненько всхлипывая. Вик почти бегом выскочил из дома, так толком и не попрощавшись с родителями.

...Годы учебы прошли, как у всех – наполненные безжалостным воздухом казармы, где юные зверята превратились в зверей взрослых, готовых убивать и умирать. Завязались новые связи, возникли новые дружбы, как же без этого. А вот лица родителей постепенно стерлись из памяти – так, какие-то общие, размытые пятна: румяная громогласная женщина и вечно усталый, сутулый, молчаливый человек, которого не видно за газетой. Но заплаканная, сопливая мордочка Лео никуда не девалась; тонкая нить, связывавшая Вика с детством, с прошлой, доармейской жизнью, не рвалась. И рука в кармане иногда все еще сжимала воображаемую глиняную птичку...

Головой он помнил, как они, зеленые и необстрелянные, рвались в бой, как хотели поскорее попробовать себя в настоящей зарубе. Но теперь, спустя годы, не хотел верить, что мог быть таким идиотом. Дрожал от нетерпеливого возбуждения, дурел от запаха оружия, любовно раскладывал по разгрузке боеприпасы... черт, гладил ладонью хренов гранатомет! Представлял себе, как станет такой же страшной боевой машиной, как тот киборг из боевика, который часто крутили кадетам. Прямо буревестником смерти будет реять над проклятыми мутантами! Про буревестника смерти он придумал сам и очень гордился этим выражением.

Но реальность быстро поставила все на свои места. Война, мать ее, это просто грязь, грохот, адская вонища. Горячий воздух, который чувствуешь, когда пуля пролетает у самой щеки, а еще слышишь этот легонький посвист... от которого сжимается желудок и потеют ладони. Война – это когда ссышь в штаны, часами лежа в засаде, и когда видишь на своей одежде мозги бойца из твоего взвода. И первое чувство – после страшного момента, когда никаких чувств нет вообще – радость, что попали не в тебя. Война быстро отучает дружить, ибо над каждым другом не заплачешься. Но она учит безоглядно полагаться на того, кто рядом и, в свою очередь, быть готовым заслонить его, если что. Ненависть к врагу перестает быть высокопарной идеологией – она начинает питаться мстостью за убитых товарищей. Становится наплевать на Чистоту и даже на Город, по большому счету – хочется просто убить как можно больше тварей и выжить самому.

Выживать Вик умел. Бог войны зачем-то хранил его – долго, очень долго. Дольше всех остальных. Неглупый и организованный, он быстро сделался командиром своей части, а со временем дослужился до самого высокого из доступных ему чинов – таких, в которых еще ходят в бой. Выше стояли только члены штаба – почти недостижимые небожители, которые вместе с Главкомом разрабатывали планы операций и по секретной связи спускали их полевым командирам, таким, как Вик.

Его живучесть стала легендой. Он выбирался из таких переделок, где выжить, казалось бы, просто невозможно. Он был похож на крепкую сосну, вокруг которой уже несколько раз вырубались и вновь поднимались лесопосадки, а она все стояла и стояла, хранимая какой-то странной прихотью судьбы.

Сопляки, которые попадали в его часть, заменяя погибших, поглядывали на командира с суеверным восторгом. Но где-то глубоко внутри Вик знал, чувствовал: его невероятное везение имеет прямое отношение к той глиняной птичке, которую он всунул в детскую ладошку брата. Где-то в Городе живет сейчас Лео – ведь из одной семьи почти никогда не забирают двоих сыновей. Да Лео и жидковат для солдата. Он, небось, уже давно женат и имеет своих детей, работает где-нибудь на фабрике, а то и в конторе – ведь он смышленный, Лео... И он молится за Вика, сжимая в руке старую свистульку. Молится неустанно, истово, пусть и своими словами, прося всех богов сохранить жизнь его старшему брату. Вик всегда ощущал над собой этот невидимый купол, эту неслышную песню глиняной птички. И не было на свете ничего прочней этой защиты, тверже этой брони – в глубине души он постепенно поверил в это сам.

...Но счастью на войне всегда есть предел. Бог войны смеется над тем, кто слишком уж надеется на свою удачу. Однажды команду Вика послали отбивать приграничный район – ничего особенного, просто какие-то руины, оставшиеся от Большой Войны. Но черт побери, это были наши руины! И твари не имели права занимать их! Сдашь вот так один участок, вроде бы и не особенно нужный, потом второй, не имеющий стратегического значения – а там и не заметишь, как твари прорвутся в Город!

Все шло хорошо, хвала Чистоте. Твари, несмотря на все их штучки, прекрасно горели, да и от пуль ложились – любо-дорого поглядеть. Но для Вика бой закончился в тот миг, когда рядом с ним упал снаряд или мина... он не успел ни заметить, откуда прилетело, ни почувствовать что-нибудь. Угасающее сознание успело зафиксировать только бешено несомые взрывной волной обломки и нестерпимо яркую пелену гари, в которой в миг исчез весь окружающий мир.

...Абсолютная темнота и такая же абсолютная тишина. Вот так выглядит «та сторона»? Или...? Муть уходила из сознания постепенно, ее место занимала боль. А еще осознание того, что он не может пошевелиться. Усилием воли Вик подавил приступ паники и попробовал медленно повернуть голову. С лица начала осыпаться какая-то хрень, и он понял, что его завалило рухнувшей от взрыва стеной. Хорошо еще, что все здесь уже дышало на ладан, и это была относительно легкая крошка, а не какая-нибудь тяжеленная балка. Неужели ему снова свезло? Вик завозился, со стоном освобождаясь из плена развалин... переломов вроде бы нет, адская же боль во всем теле – от синяков и ссадин. Самое скверное место было на боку – громадный лоскут содранной кожи, кровяца пропитала комбинезон. Чудо, что оружие не пострадало – его Вик проверил первым делом. Потом дотянулся до шприца с обезболивающим и противовоспалительным, надломил крышечку, привычно проколол сквозь одежду. Откинулся назад, давая лекарству время подействовать.

Итак, они, видимо, все же отстояли эти чертовы руины. Во всяком случае, бой явно закончился. Запах дыма, а еще отвратительно аппетитный запах горящего мяса поднял содержимое желудка к горлу. Вик интенсивно продышался и тошнота отступила. Он чувствовал себя как-то странно и не мог понять, в чем дело. Потом догадался – это оттого, что он один. Быть одному непривычно – после боя ты вместе с товарищами всегда сжигаешь трупы тварей, если все закончилось хорошо. Или отходишь, матерясь, отстреливаясь и таща очередного раненого сопляка на своем горбу, если дела пошли не так блестяще. Его самого тащить не стали; видимо, сочли погибшим под завалами. Он не держал обиды на своих – сам поступил бы так же. Кто ж знал, что осыпавшаяся стена окажется такой хлипкой. Неожиданное чувство свободы было в новинку, и Вик сам не знал, что с ним делать. То есть, знал, конечно – вытащить чертову рацию, доложить, что жив, и получить указания. Но почему-то оттягивал этот момент...

...до тех пор, пока пуля, взвизгнув, не вспахала кирпичную крошку рядом с его головой. Мгновенно упав и откатившись за какие-то бочки, Вик почувствовал привычный выброс адреналина и полностью включился в ситуацию, автомат лег в руки сам. Сколько их, где?

Пустил очередь на легкий шорох слева, переместился. Попал? Черта с два, оттуда ответили. Итак, один слева, за остатком стены. Вик снова переместился, пригнувшись, ища удобное место, чтобы обезопасить спину. Тварь среагировала мгновенно: автоматная очередь прошла воздух ровно на том месте, где буквально долю секунды назад находился Вик. Хрен тебе, злорадно подумал он. Именно «тебе», потому что, похоже, тварь была одна, никакой огневой поддержки, никакого прикрытия. Кто он – такой же, оставшийся после боя неучтенный боец? Ну так и валил бы к себе в пустыню, в свою долбаную Федерацию! Какого хрена ему повоевать захотелось? Герой, что ли? Вик не верил в героев. Или... разведчик? Диверсант, пытающийся в одиночку пробраться в Город?!

Это меняло дело. Этого допустить никак нельзя. Вот так всегда – стоит только поверить, что благополучно выпутался, выжил, приготовиться пожить еще какое-то время... черт, черт! Тварь надо остановить, и ни хрена тут нет другого выхода.

Но уж одного-то я тебя уделаю, уверенно решил Вик. Только не вздумай опробовать на мне эти ваши телепатические штучки, а уж так-то я тебя... как миленького. Не вырос у тебя еще со мной меряться.

Но уверенность эта оказалась преждевременной, как быстро понял Вик. Тварь была хороша, очень хороша. Почти так же хороша, как он сам. Верткая сволочь, видно, вознамерилась во что бы то ни стало прорваться в Город – ибо с чего бы ей так хотелось непременно покончить с ним, с Виком? Вскоре он вынужден был признаться себе, что проигрывает твари – плечо задело по касательной, а левую ногу, похоже, пробило навывлет. Артерия вроде цела, хвала Чистоте, но передвигаться как следует он уже не сможет. Гаду тоже досталось – он с удовлетворением отметил короткий сдавленный вскрик неприятеля. На той стороне возникла пауза, но он знал, что тварь жива, интуиция еще никогда не подводила его. Вик использовал последний шприц, кое-как залепил рану санпакетом, и тут на краешке сознания замерцала предательская мыслишка: похоже, привет... на этот раз знаменитое везение командира четвертой гвардейской закончилось. Надо звать подмогу, иначе он тупо сдохнет здесь. Вытащил связь... и не успел даже удивиться, когда откуда-то сверху на него прыгнула громадная туша.

Рукопашная – совсем не такая зрелищная вещь, как показывают в кино. Противник Вика был крупнее, и тоже ранен. Вика спасла рация, которую он в этот момент снимал с разгрузки. Под весом навалившегося врага она уперлась в пластину броники и оставила правой руке несколько сантиметров свободы. И Вик сделал единственное, что мог сделать в этой ситуации – схватил рукоять ножа, потянул вниз, и как только почувствовал, что ему удалось высвободить лезвие из ножен, сколько было сил сунул его вверх, целясь между броником и шлемом врага. Он понимал, что второго шанса ударить не будет, и просто двигал нож в направлении подбородка твари (а есть ли у них вообще подбородки?), пока тот не уперся во что-то твердое, и продвинуть его дальше Вик не мог уже никакими усилиями. Он не видел точно, куда пришелся удар, но чувствовал, что попал. Руку с ножом и лицо залило кровью, он закрыл глаза, стиснул губы, затаил дыхание и продолжал иступленно давить на рукоять. Лишь через несколько секунд, когда почувствовал, что придавившая его тварь обмякла, став еще тяжелее, попробовал осторожно выдохнуть и ощутил противные липкие пузырьки под ноздрями. Но сейчас это не имело никакого значения. Главное, он его таки сделал! Сделал!!!

Хрипя и плюясь, он с трудом свалил с себя тварь, повернулся на бок, встал на четвереньки, трясая головой, и попытался стереть с лица кровь. Песок и крошка на перчатке царапали веки, мешаясь с быстро густеющей жидкостью, оставляли на лице шершавую корку, но Виду наконец удалось открыть глаза...

По-хорошему теперь следовало сжечь мутанта, чтобы его поганый труп не отравил землю и воздух вокруг. Однако сегодня все было не так, как всегда. Одиночество и непривычная свобода как бы подталкивали обычно дисциплинированного Вика к странным мыслям. Ему вдруг нестерпимо захотелось посмотреть на того, с кем он дрался. Твари было не отказать в мастерстве и мужестве, Вик успел проникнуться к ней невольным уважением. Наконец, им двигало простое человеческое любопытство, которое обычно гасится неусыпным надзором начальства и необходимостью быть примером для подчиненных. Но сегодня он был словно сам по себе. Словно тот факт, что его посчитали погибшим, списали, делал его невидимкой. А на невидимок правила не распространяются, ведь так?

Здравый смысл говорил ему, что тварь, скорее всего, токсична. Но им уже овладела эта бесшабашная лихость, этот кураж, эта веселая злость... Эйфория выжившего толкает иногда на абсурдные, иррациональные поступки. Он увидит морду мутанта – пусть даже это будет последнее, что он увидит в жизни, и насрать на все!

Вик рванул шлем, приготовившись взглянуть на харю чудовища. Но голубые глаза мертвеца смотрели на него с чистого, вполне человеческого лица. Неясное чувство заставило Вика вглядеться в его черты, смутно напоминающие кого-то. Вик провел рукой по лицу врага, уби-

рая с него светлые волосы. Его пальцы наткнулись на какой-то шнурок на шее мертвеца. Безотчетно потянув за него, Вик вытащил на свет маленькую глиняную птичку. Замер, слушая грохот крови в ушах. А потом закрыл рукой глаза Лео.

Через какое-то время он с удивлением понял, что плачет. Вик не плакал никогда, даже в детстве, и соленый вкус слез поразил его. Он еще раз взглянул на талисман брата: птичка потерлась, краска с ее крылышек облупилась, а носик был надломан. Вик повесил ее на шею, потом выкопал ножом могилу – тут же, в развалинах – и похоронил Лео. Это стоило сил, в ногу пульсировало глухой болью, и Вик понял, что надо торопиться. Он вызвал эвакуатор – и как раз успел увидеть санитаров с носилками, прежде чем отрубился.

Рана оказалась неопасной, через пару дней можно было снова возвращаться в строй. Но Вик впервые воспользовался своим правом героя и попросил встречи с командованием. Разумеется, ему не отказали.

Штаб был намного меньше, чем ему всегда представлялось, и намного... обыденнее, что ли. Вокруг небольшого круглого стола сидело шестеро пожилых людей – Вик давно не видел таких стариков, вокруг него всегда находились только молодые.

– Ну, боец, вылечили раны? – с подчеркнутой молодцеватостью воскликнул тот, чьи портреты украшали каждую кадетскую казарму. В жизни он выглядел далеко не таким значительным, как на портретах.

– Вылечил-вылечил, – деловито, но не по уставу доложил Вик и под удивленными взглядами собравшихся, не торопясь, расстегнул на груди комбинезон.

Все они давно не были в реальном бою, а может, и никогда не были. Но взрывчатку узнали безошибочно. А, зассали, с удовлетворением отметил про себя Вик. У гвардейца, стоявшего у двери, глаза полезли на лоб.

– Сынок, ты иди отсюда... – задушевно попросил его Вик.

Пацан был не боевой, так себе, салажонок, декорация. Расслабились, суки, не боятся совсем, подумал Вик, нажимая на красную кнопку пульта в руке.

– Я сказал, иди отсюда, – повторил он, и салажонок испарился.

Сейчас за дверью забегают, засуетятся, еще начнут геройствовать... времени немного, решил Вик и приступил к разговору, ради которого пришел.

– Ну вы поняли, да? Тут все разнесет к хренам, если я отпущу эту кнопочку. Так надежнее, чем завязывать взрыв на нажатие.

– Зачем вы... что вы... хотите? – закудахтал один из стариков.

– Я хочу узнать, почему неделю назад в бою с Федерацией я убил своего брата Лео. Понимаете ли, Лео не был мутантом.

– Да как ты сме... – Главкома отбросило назад крупнокалиберной пулей, которая пришла в центр лба: Вик одинаково хорошо стрелял с обеих рук. Собравшиеся окаменели, не сводя взгляда с пальца на красной кнопке.

– Еще раз. Почему я убил своего брата Лео?

– Позвольте, я объясню, – произнес бархатный голос с богатыми модуляциями. Вик хорошо знал его, как и каждый в Городе. Именно этот голос делал важнейшие заявления для жителей, объяснял важность Чистоты, подбадривал голодающих и звал их на трудовой подвиг во имя Победы. Он же клеймил предателей Родины и предупреждал об опасности телепатических диверсий Федерации.

Голос принадлежал жухлому человечку с пухом на обширной лысине.

– Вы должны иметь в виду, что это абсолютные секретные сведения... и я ни за что не разгласил бы их, если бы не чрезвычайные... кхм... обстоятельства. К сожалению, несмотря на принятые меры безопасности, всегда существовала возможность...

– Почему я убил Лео, если мы воюем с Федерацией? – Вик начинал терять терпение.

Человечек заерзал и продолжил уже несколькими упавшим голосом:

– Нет никакой Федерации... Нет и никогда не было. И мутантов нет. Город – это все, что осталось после Большой Войны.

Вик подумал минуту – в абсолютной тишине. Уже зная ответ, все же спросил зачем-то:

– ...Почему?

– Потому, что это единственный способ сохранить мир! Обеспечить человечеству выживание! Ресурсов не хватает на всех, и вам это хорошо известно! – человек даже хорохорился, а остальные дружно поддакивали, кивая головами. – После Большой Войны была изобретена система призыва – тщательного отбора самых потенциально агрессивных и опасных... особей... – он запнулся, испуганный утробным рычанием Вика, – и... ну да, натравливания их друг на друга с целью взаимного уничтожения. Это обеспечивало порядок, поймите! Вы представляете, какая война за продукты и воду началась бы, если бы мы не... отвлекали всех этих головорезов на внешнюю угрозу?! Люди города принадлежат к разным расам, у них были национальности, религии – вы представляете, что началось бы, не будь у них общего врага?! Да, война действительно носит... имитационный характер, но она необходима! Это сплачивает людей, дает им общую цель и надежду на будущее. И кроме того, у нас есть уверенность, что, убирая с брачного рынка носителей генов агрессии, мы через несколько поколений получим народ, вовсе не склонный к насилию! И тогда войну можно будет закончить!

– Вот оно что... – задумчиво проговорил Вик и тяжело оглядел собравшихся. – Без войны, стало быть, никак...

Обладатель волшебного голоса быстро глянул на него; в его глазках читался плохо скрываемый триумф. И Вик вдруг понял – это он рулил тут всем, а вовсе не Главком.

– Я вот что думаю, – продолжал Вик. – Поскольку Главком наш... того... смертью храбрых...

– ... то его место по праву должны занять Вы, – догадливо вставил человек и аж замаслился от собственной догадливости.

– Типа того, – кивнул Вик.

И добавил:

– Ты давай, скажи всем... ну, ты умеешь.

Человек резво кинулся к другому столу, поменьше, понажимал кучу каких-то кнопочек, прокашлялся, повертел головой туда-сюда, готовясь к речи, и наконец произнес в микрофон:

– Внимание! Срочное правительственное сообщение! Внимание!

На одну долю секунды Вик вновь попал под магию этого знакомого с детства голоса. Во дает, сволочь, подумал он, стряхивая морок.

– ... как герой, защитив своим телом... – оратор, между тем, витийствовал еще несколько минут. Пока, наконец, не подошел к главному:

– Новым Главнокомандующим Города становится... – в ответ на вопросительную гримасу Вик назвал свое имя и услышал его снова, произнесенное невероятно торжественным тоном, одновременно с придыханием и чеканной военной интонацией.

– Ну, а теперь давай мне, – Вик отодвинул человека от микрофона.

Тот, пискнув, ошарашенно уставился на него.

Не ожидал, сучара, хмыкнул про себя Вик, прочистил горло и сказал в микрофон:

– Говорит Главнокомандующий. Значит, так... Мы, короче, одержали победу. Федерации... э-э-э... Федерация разгромлена. Совсем. Навсегда. Город спасен. Армия распускается, солдаты возвращаются домой.

Подумал немного и добавил для верности:

– Война закончилась.

Ведьма и пять хомячков

Александр Белкин

Ведьма Адалинда сидела на высоком табурете, скромно положив одну свою прелестную ножку на другую свою ножку – не менее прелестную. Ей простенькое серое платье, сшитое из трёх довольно больших мышинных шкурок, совершенно не бросалось в глаза. Более того, некоторым, особенно тем, кто смотрел на ведьму со спины казалось, что платье на ней вообще никакого нет.

Но это, разумеется, только казалось, ибо закон строго воспрещал появляться в общественных местах в «оскорбительно-обнажённом виде», а таверна «Бездонная бочка» была, несомненно, местом общественным. И закон в нашем Городе один для всех: и для пьяных орков, и для только ещё собирающихся напиться юных ведьмочек. Впрочем, возраст ведьмы, сами понимаете, величина неопределённая, и Адалинда вполне могла быть и дряхлой трёхсотлетней старухой, чей полуразложившийся прах держится только силою связавших его заклинаний.

Но, настоящей правды не знает никто, а делать такие предположения можно только тогда, когда есть твёрдая уверенность, что вышеописанная ведьма Адалинда вас не слышит. Потому вернёмся к нити нашего повествования. Да, так о чём я там начал рассказывать? Не сразу и вспомнишь.

Вот тысячу раз прав был тот критик, который предостерегал от длинных и не очень нужных описаний. Ну, типа, какого там цвета было ведьмино платье, сколько столов в таверне (ровно десять, если кому-то интересно) и прочих, совершенно несущественных, подробностей. Например, то, что имя Адалинда – древнее германское имя. И означает ни много, ни мало: «благородная змея». Согласитесь, имечко для ведьмы очень даже подходящее. Но я снова отвлёкся...

А вот, и это уже существенно, помимо десяти деревянных столов, в таверне был ещё и жертвенник. Ну, то есть, не жертвенник, конечно. Жертвенников в тавернах не бывает. Но именно так местные юмористы окрестили высокую стойку, за которой царствует Август Штерн. Август Штерн – владелец таверны. Юмор тут вот в чём. Август, по латыни означает величественный, священный. Именно так он, Август, и выглядит за стойкой. Чуть лысоватое божество лет пятидесяти. Но, как известно, короля (а тем паче Бога) играет свита. В смысле – паломники.

Так вот, эти паломники и устремляются каждый вечер к стойке (сиречь жертвеннику). На сей деревянный алтарь они возлагают медные, серебряные, а иногда даже и золотые монеты. В обмен же получают святое причастие в виде божественных напитков, разрешающих любые проблемы и уносящих прочь все заботы и печали.

Вот у этого самого жертвенника и восседала на высоченном табурете наша юная ведьмочка. Перед ней стояла уже третья, почти допитая кружка со «Святым причастием». Коктейль «Святое причастие» – это тоже своего рода юмор. Смесь кагора, чистого спирта и красного вина, сдобренного ладаном и другими ароматическими смолами.

В каком-нибудь другом городе к этому названию немедленно прицепилась бы святая инквизиция или какие-нибудь фанатики-погромщики. Но в нашем Городе царствуют свобода, демократия и толерантность. В смысле, кому какое дело, если товар покупают. А «Святое причастие» хватают как горячие пирожки. А горячие пирожки хватают как «Святое причастие». Чтобы то причастие закусывать. «Бездонная бочка», заменившая обветшалые храмы, процветает.

Да, так о чём бишь я? Ах да, эта чёртова змея... Ну, то есть, Адалинда, сидела на высоком табурете и дула одну кружку за другой. Рядом с ней на деревянной стойке, помимо почти опустошённой кружки, расположился огромный чёрный котиче – домашний любимец и верный помощник этой... Этой юной красавицы. Кот, которого так и звали: «Кот», тоже был занят делом. Лакал молоко из стоящего перед ним изящного блюдца дорогого кхитайского фарфора. Кот, хотя и имевший шкуру радикально-чёрного цвета и жутко сияющие круглые зелёные глаза, что позволяло предположить его родство с самим Вельзевулом, спиртного никогда не пил – даже валерьянки.

Впрочем, и его хозяйка не была алкоголичкой. Она вообще очень редко напивалась не в субботу. Сегодня, правда, был четверг, но имелись и соответствующие причины. Неделя не задалась с самого понедельника.

Нет, не в том дело, что в понедельник было труднее проснуться, чем обычно. Этот странный феномен повторяется из недели в неделю и ни о чём, собственно, ещё не говорит. А вот то, что подряд на установку осветительных заклинаний отдали вдруг магу Эрландору... Хотя всё было уже сто раз договорено и почти подписано. Опять же и сынок бургомистра... Он-то куда смотрел?

Вот Адалинда и посмотрела. Ведьмам это запросто. У них ведь есть такие специальные хрустальные шары, в которых они могут увидеть всё, что угодно. Особенно – своего почти что жениха. Вот она и увидела. И сразу стало ясно, почему подряд на установку осветительных заклинаний отдали вдруг магу Эрландору. И ещё некоторые, непонятные прежде моменты, тоже стали ей совершенно ясны. Потому что мужики все подонки. И наговорив своим почти что невестами с три короба про какую-то там срочную работу по спасению родного Города, а может быть и всего мира... Да, да, а сами бессовестно дрыхнут, да не где-нибудь, а в постели с одной из многочисленных племянниц мага Эрландора. Нагло эту племянницу обнимая.

Вот потому и сидела Адалинда в «Бездонной бочке» в четверг. Потому и пила уже то ли третье, то ли четвёртое «Святое причастие». Трудно пережить подлую измену. Даже ведьме.

Однако постепенно настроение поднималось. Не сошёл же клином весь белый свет на этом подонке? Хотя, как посмотреть... Мужиков-то в городе много, и никто из них, ясное дело, не устоит против её колдовских чар. Но вот, что касается подряда на установку осветительных заклинаний...

Впрочем, и тут всё было не так уж и мрачно. Бургомистр, конечно, большая шишка, да и маг Эрландор не вчера научился колдовать, но на прекрасной шейке Адалинды висело дивной красоты ожерелье. И дело было не только (и не столько) в его красоте. Ожерелье это обладало... Впрочем, тсс, не буду прежде времени раскрывать интригу.

Когда чёрный котиче вылакал третье блюдце молока, а его хозяйка заказала пятую (а может быть уже и шестую) кружечку коктейля, Август тяжело вздохнул и невнятно пробормотал что-то про всяких дармоедов, от которых приличному заведению нет никакой прибыли, окромя убытков.

Ведьма тоже тяжело вздохнула и наградила Августа презрительным взглядом. Все мужики – козлы! И жмоты. Вот что говорил этот взгляд. Потом она протянула свою хорошенькую ручку с кроваво-алым маникюром на восхитительно острых ноготках и погладила разлёгшегося на стойке чёрного кота.

– Эх, Котя, – проговорила она ласково, – ты ведь тоже мужик... А значит – козёл!

– Мур-р-р, – возразил кот, отрываясь на время от блюдца с молоком, – и вовсе я не козёл, я котик...

– Все вы котики... – задумчиво протянула ведьма. – Поначалу...

Она не договорила и одним глотком допила жидкость в своей кружке. Потом поставила опустевшую емкость на стойку и слегка толкнула её в сторону Августа. Верховный жрец дере-

вянной стойки-жертвенника величественно смотрел в сторону, делая вид, что не заметил этого совершенно ясного жеста.

Ведьма снова вздохнула, пробормотала вполголоса то ли ругательство, то ли заклинание и быстро выбросив правую руку вперёд и вверх, что-то схватила. Когда она разжала свой маленький кулачок, на изящной ладошке лежала старая, очень грязная и позеленевшая от времени медная монетка. Монетка была, кроме всего прочего, ещё и очень маленькой.

Адалинда недовольно нахмурилась и впиалась в монетку пристальным взглядом своих ослепительно-зелёных глаз. Взгляд был поначалу довольно злым, так что бедная монетка чуть не превратилась в пепел. Нет, так дело не пойдёт! Адалинда взяла себя в руки, вспомнила кое-какие колдовские приёмы и пробормотала несколько успокаивающих заклинаний. Тут весь фокус был в том, чтобы полюбить эту проклятую... Нет, милую и такую симпатичную денежку. Ведь это же денежка! Деньга, деньги... А деньги любят не за внешний вид, деньги любят за их внутреннюю сущность. За покупательную способность.

Зелёные льдинки в глазах Адалинды растаяли слезами сочувствия, взгляд потеплел, пальчики нежно ласкали медную замухрышку. И чудо свершилось! Грязь и мерзкий зеленоватый налёт куда-то исчезли, монетка как будто даже увеличилась немного в размерах и засияла благородным серебром. Процесс продолжался, любовь крепла, и на деревянную стойку с мелодичным звоном упал уже самый настоящий серебряный талер.

Август Штерн величественно повернул свою прекрасную голову и, брезгливо скривив достойное античных статуй лицо, бросил взгляд на продолжавшую тихо позвякивать монету. Монета была достаточно большой и выглядела совсем как настоящая. Вот именно, «совсем как»...

А за магические подделки магистрат наказывал очень строго – мог и лицензии лишить. А за новую лицензию одних официальных сборов платить замаешься. Не говоря уж о неофициальных... Однако и не брать монету – чревато. Ведьма если обидится такой полтергейст устроит... Всю посуду и всю мебель заново покупай. Да и достали уже эти льготники, если честно. Стражники – те просто не платят. Они же, типа, охраняют. Чиновники не платят тоже. Они же контролируют. Пожарная команда... Э-э-эх, да что там говорить! Далеко не все проблемы малого бизнеса уже решены в нашем Городе. Об этом и бургомистр в каждой своей речи говорит. И этих стыдит. Как их? Во, вспомнил, коррупционеров! А они, видать, совсем бессовестные – не перевоспитываются никак.

Так что ведьмы... Ведьмы-то ещё почестнее будут. Хоть фальшивками, да расплачиваются. А у Адалинды, змеи этой, вообще монеты хорошие – в сухие листья только через неделю превращаются.

Август опять тяжело вздохнул, смахнул серебряный талер в карман передника, намешал чего-то в кружку и ловко отправил посудину жаждущей ведьме.

А теперь перенесёмся немного вбок и вниз. За самый что ни на есть плинтус. И даже под него. Там тоже происходили заслуживающие внимания события. Пока наверху веселились, распивали молоко и коктейли, жаловались на судьбу и умильно мяукали, внизу, под сосновыми досками, в маленькой уютной норке жалобно пищал её хозяин, крошечный мышонок Пик. Бедняга был связан по всем четырём лапкам, а рот его закрывал прочный и очень невкусный скотч. А за столом, так старательно сделанном из красивой картонной коробочки, в мягких удобных креслах, искусно выгрызенных из мотков шерсти, сидели пять ужасных зверюг – пять огромных мохнатых хомяков из тайной полиции. Это были лучшие агенты, любимцы бургомистра. Звали их Пок, Пак, Пух, Пах и Пук. Пок и Пак представляли собой прекрасную половину этой, прямо скажем, не прекрасной компании. Пух и Пах были самцами. Пук определённого пола не имел, так как был начальником. Задание их было простым и понятным: ожерелье. Любой ценой и не взирая.

Потому и пришлось связать бедолагу-мышонка – лучший наблюдательный пункт найти было просто невозможно. Из норки открывался великолепный вид на сидящую у стойки ведьму и все её юные прелести. Но хомяки-профессионалы не отвлекались на всякие глупости. Они не были извращенцами, потому нижние конечности человеческих самок не вызывали у них никаких эмоций. Все пятеро были закалёнными бойцами. Кроме того, они были не просто коллегами – они были одной дружной семьёй. Их семья, так называемый пентакль, была семьёй нового, очень толерантного типа. В ней царил абсолютное равенство. Каждый мог быть и самцом, и самкой – в зависимости от позиции.

Но доступны наблюдению были не только тайны ведьмовского тела, виден был и разлёгшийся на стойке огромный котище. Потому приходилось ждать. Ожидание очень хорошо скрашивала колбаса, большой запас которой был обнаружен в норке. Но подходящий момент должен был когда-нибудь наступить.

Адалинда выпила до дна ещё одну кружечку коктейля и решила пересесть за столик – рожка Августа ей положительно не нравилась. Она ловко соскочила с табурета, и, почти не качаясь, сделала несколько шагов. Всё было под контролем, вот только каблуки... Естественно... Хитрые мужики-сексисты заставили бедных женщин ходить на каблуках. И теперь... Естественно... Каблуки разъехались, ноги поехали, голова заехала под стол. А что вы хотели? Сексисты проклятые, сами-то пьют сколько хочешь в своих уродливых ботинках.

Момент настал? Нет! Ещё нет. Ведьма валяется под столом и вряд ли способна произнести даже простейшее заклинание, но кот, проклятый кот по имени Кот... он не пьёт спирт и не жуёт листья валерьяны. Жуткое, кошмарное создание. Но что это? Кажется, шанс есть...

Кот делил внимание между блюдцем с молоком и прилёгшей отдохнуть Адалиндой. Всё было под контролем. Всё было как всегда. Но что это? Внизу большой двери, ведущей на улицу, открылась маленькая дверца и внутрь проскользнула...

Сердце Кота остановилось и провалилось куда-то под хвост. Его большие круглые глаза стали ещё больше и ещё круглее. Взгляд неотрывно сопровождал волшебное белоснежное видение, впорхнувшее в зал. Да, это была кошечка, прекрасное белошёрстное создание, сотканное, казалось, из сладчайшего тёплого молока. На Кота она почти не обратила внимания, только лишь бросила мимолётный взгляд. Но затем, с явным намёком, скрылась за открытой дверью кладовки.

Кот понял, что это судьба. Он вскочил на все четыре лапы, поднял высоко вверх хвост, выразил свои чувства в громком радостном вопле и спрыгнул на пол.

Скорее, скорее! Пять пружинистых комков вылетели из норки и бросились к бесчувственной ведьме. Из кладовки неслись жуткие, но, похоже, радостные вопли.

- Скорее! Скорее!
- Не перекусывай нитку! Тащи!
- Осторожней. Тащи!
- Открывай замочек.
- Скорее, скорее!
- Мр-р-р-р-р!!!!
- Бежим!!!

Настоящий мужчина умеет любить быстро. Настоящему коту достаточно и пяти секунд. Но с этими кошками... Какие-то игры совершенно не нужны, увёртки, ужимки, прыжки... Мурлыканья бесконечные...

Короче, Кот опоздал. Когда он, подобный разъярѐнному чѐрному вихрю, вылетел из кладовки, хвост последнего хомячка уже исчезал в норке. В той же норке исчезло и несколько нанизанных на нитку прозрачных, чуть зеленоватых камней – то самое ожерелье.

Кот прыгнул. Ударился о стену, зарычал. Потом взял себя в руки (в лапы) и, не тратя времени на бесполезное самобичевание, стал решать возникшую проблему.

Август, владелец таверны, делал вид что ничего не произошло. Ну, перепила немножко юная ведьмочка, что такого? Потеряла ожерелье? Бывает... Хомяки? Какие хомяки?

Его можно было понять. Все ведь знали, на кого эти хомяки работают. И какой же владелец таверны, будучи в трезвом уме и здравой памяти... Или наоборот? Не важно. Но ссориться с...

Однако и Кот был не лыком шит, не зря воспитывался ведьмой. С Ним, не будем вспоминать имя бургомистра всуе, некоторые владельцы таверн ссориться не хотят. А с гильдией ведьм они поссориться готовы?

– Да с какой стати?

– А вот с какой. Кто-то ведь опоил ведьму до бесчувственного состояния?

– Дак она же сама...

– А кто готовил напитки?

– Дак ведь...

– Кто подсовывал ей кружку за кружкой?

– Она ж сама просила! И талер серебряный дала. Ещё и фальшивый, между прочим...

– Р-р-р! Ты значит еще и поддельными талерами промышляешь?

А кроме того, ведь факт, что магическое ожерелье украдено не где-нибудь, а именно в таверне «Бездонная бочка». И... Голос Кота стал особенно вкрадчивым. Ведь он у Адалинды давно живѐт. Ещё котѐнком был. Многому научился. Конечно он, животное практичное. Всякая там любовная магия его никогда не интересовала. Зачем, кошки и так... И эти ваши глупые монеты, твѐдые и невкусные. Но вот есть одно довольно полезное заклинание... И не очень сложное, вполне возможно его даже и промяукать. Что оно делает? А бесполезное совершенно вино и прочие, никому не нужные спиртосодержащие жидкости, превращает в чудесное свежее молоко.

Владелец таверны побледнел и сразу согласился сотрудничать.

Адалинду вытащили из-под стола, посадили на стул и влили ей в рот крепкий кофе со взбитыми яйцами, перцем, и ещё какими-то травками. Адалинда закашлялась, исторгла из себя избыточный алкоголь и произнесла заклинание, от которого два, случайного задержавшихся в таверне матроса, стали пунцово-красными. Заклинание очень интересное, и я хотел привести его здесь полностью, но редактор... Да, впрочем, и не суть.

С помощью топора и пилы расширили вход в норку и вошли. Развязали мышонка. Допросили. Кот по имени Кот произвѐл на беднягу сильное впечатление и Пик всё чистосердечно рассказал. Особенно, про съеденную злодеями колбасу.

– Так вот куда делась... – начал было владелец таверны, но ему очень доходчиво объяснили, что на кону стоят вещи гораздо более важные, чем какая-то, пропавшая неделю назад, копчѐная колбаса.

Стали решать что делать. Во-первых, что делать с мышонком? Кот предложил немедленно съесть ненужного свидетеля. Его поддержал Август – не мог забыть свою колбасу, старый скряга. Но Адалинду при одной только мысли о таком злодействе снова стошнило – она была девушка добрая. Кроме того... Да, конечно же, мышонка нужно завербовать и отправить в стан врага.

Мышонок, правда, в герои не рвался, но Кот умел быть убедительным. Далее нужно было как можно скорее вернуться домой. Запасного ожерелья там, конечно, не было, но имелись кое-какие другие артефакты. Заменить ожерелье они не могли, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Однако, ни одна уважающая себя ведьма никогда не выйдет на улицу не проведя предварительно особый обряд. Обряд этот, называемый Наведением Макияжа, должен быть выполнен в любом случае – даже в случае конца света. Потому Адалинда открыла свою магическую сумочку и стала сосредоточенно в ней рыться. Кот сопровождал её действия недовольным урчанием, а Август страдал молча. Он не без оснований полагал, что каждая лишняя минута, проведённая столь опасными гостями в его таверне, сильно уменьшает шансы оправдаться перед чиновниками бургомистра. И уже предвидел обвинения в преступном сговоре, укрывательстве и недоносительстве. Что касается последнего, то тотчас по уходе ведьмы и кота Август собирался бежать в ратушу. Таким образом его совесть была бы чиста перед всеми. Но...

Строго соблюдая необходимую последовательность действий, ведьма перестала копаться в своей сумочке и вытащила из неё маленькое складное зеркальце. Быстро его раскрыла и поднесла к лицу. Зрелище, конечно, не для слабонервных, но всё же испуг Адалинды, право, был слишком силён. И эти странные выражения, которые вряд ли были заклинаниями... Ах вот в чём дело! Зеркальце-то тоже было магическим и немедленно стало показывать изображение. Изображение дома Адалинды, в котором хозяйничали солдаты бургомистра. Командовали солдатами сын главного городского начальника и эта подлая тварь, племянница мага Эрландора. На уродливой шее мерзавки висело то самое ожерелье. Столик, за которым сидела Адалинда задымился и обратился в серый пепел, тут же разлетевшийся по всему залу. Ведьма немедленно перевела свой пышущий жаром взгляд на соседний столик.

– Нет! – закричал Август. – Не жгите мою мебель! И... Мне кажется вам нужно поторопиться... Нет, нет, разумеется, ваше присутствие нисколько меня не стесняет, но...

– Это хорошо, что наше присутствие вас не стесняет – тихо сказала ведьма. – Потому что идти нам теперь некуда...

– Ур-р-р, – проурчал Кот в знак согласия.

Тело потерявшего сознание Августа с глухим стуком упало на не очень чистый пол.

Впрочем, Адалинда и сама была на грани обморока. Все её магические артефакты, кроме мелочи в сумочке, захвачены врагами, и солдаты, надо думать, в скором времени будут здесь. Ведьма в отчаянии осмотрелась вокруг. Деревянная стойка, разнообразнейшие бутылки, распротёршийся на полу владелец таверны... А у самого окна, уронив отяжелевшие головы на грубые доски стола дремали...

– М-м-матросы! – промяукал Кот, в голову которого, похоже, пришла та же мысль. Шерсть его встала дыбом. – Р-р-революционные матр-р-росы!

Но времени на пропаганду и агитацию не было. Единственное, что могла сделать ведьма, это подключиться к сознанию своих будущих союзников и передать им мысленную картинку. Картину грядущего светлого мира, где всё будет бесплатно. Еда, выпивка, женщины...

Матросы встрепенулись, заозирались. Где же оно, сияющее грядущее? Всё та же грязная таверна, давно не мытый стол, заваленный объедками и пустыми мисками. А бутылки все как одна – пустые... Однако... Что это? Чудо, великое чудо!

Под мелодичный стеклянный перезвон несколько бутылок отделились от полки, поднялись вверх и чудесным образом поплыли по воздуху. Бравые морские волки смотрели во все глаза, громко икая от восхищения. Радость их возросла ещё больше, когда бутылки, закончив свой плавный полёт, дружно приземлились именно на тот столик, за которым они сидели.

Р-р-революционные матросы тут же наполнили свои кружки и провозгласили тост за р-р-революцию. Потом – за свободу. Потом – за равенство. Потом... То есть события развивались,

но не совсем так, как планировали Адалинда и Кот. Кот недовольно заурчал, а ведьма снова взялась за свои мысленные картинки.

Матросы заволновались. С одной стороны, хотелось ещё выпить. За мир. А потом за май. Ну и за все остальные месяцы тоже. С другой стороны... С другой стороны откуда-то появилась неясная, но совершенно идиотская мысль, что нужно немедленно бежать на корабль, будить своих товарищей... Какого, собственно, дьявола?

Неясная мысль побилась немножко в их отяжелевших головах и вдруг оформилась. Товарищей нужно поскорее разбудить и привести сюда. Чтобы и они тоже могли выпить! Потому как свобода, равенство и братство! Да, но... Как же можно прервать выпивку? А... Ну да, зачем же её прерывать?

Матросы вскочили и схватив в каждую руку по бутылке, чуть пошатываясь и поддерживая друг друга плечами, двинулись к выходу.

– М-м-магия... – скептически протянул Кот. – М-м-мало надежды...

– Заикнись, дурак! – ответила Адалинда.

А что ещё она могла сказать? Ей тоже (и без всякого даже магического шара) казалось, что надежды на возвращение гонцов не слишком много. Но другой-то надежды всё равно не было.

А в дверь уже ломились. Дверь, собственно, не была и заперта. Но её всё равно взломали. Так уж водится в нашем Городе.

– Смир-р-р-рна! – проревел ворвавшийся первым сержант.

– Артефакты на стол! – рявкнул вошедший за ним сын бургомистра.

– Может вам ещё и... – мужественно ответила Адалинда. Она замолчала, пытаясь придумать сравнение, образное и убийственное. Но ничего не приходило в голову. Пауза затягивалась.

– ... кошечку стоворчивую? – промурлыкал за неё Кот.

Сын бургомистра побагровел, сержант ухмыльнулся. Солдаты захохотали.

– Нам бы лучше выпить... – высказался рябой парень, направив своё ружьё в потолок, а взгляд на уставленные бутылками полки позади стойки.

– Р-р-революционные солдаты, – тихо рыкнул Кот.

Но Адалинда уже и сама догадалась.

Бутылки взлетели с полок, призывно потанцевали в воздухе и плавно опустились прямо в руки солдат. К сержанту спланировали сразу две. Сержант снова ухмыльнулся – его статус был подтверждён.

– Пр-р-рекратить! – завопил сын бургомистра.

– Делай раз! – скомандовал сержант.

Левые руки солдат, крепко удерживающие бутылки за горлышки опустились. Все бутылки приняли строго вертикальное положение.

– Лишу... Лишу жалования... – как-то растерянно проговорил сын бургомистра.

– Делай два!

Правые ладони солдат синхронно хлопнули пр донышкам бутылок. Пробки тоже хлопнули и вылетели из горлышек. Руки взметнулись вверх, и бутылки, как горны у трубачей, коснулись горлышками солдатских губ. Алая как кровь жидкость полилась внутрь.

– Делай три! – скомандовал сержант, хотя в этом и не было особой необходимости – третья часть приёма и так уже была выполнена.

В глотки вливалась красная жидкость, в сердца – р-р-революционный настрой. Не дремала и Адалинда со своей телепатией. Впрочем, революционная ситуация уже давно назрела, нужно было только чуть-чуть подтолкнуть и направить.

В самом деле, разве ж это справедливо? Как взятки брать, так отправляют полицейских, а то и вовсе штафирок-чиновников. А как подавлять мятеж, сражаться с колдуньями, так это всегда работа для солдат. А колдунья вовсе и не плохая тётка. Вином вот угостила. А винную порцию-то отменил бургомистр проклятый. И сынок его хорош. Жалованья, мол, лишу... Нашёл чем пугать! Жалованья-то уж почитай третий месяц нет...

– Долой! – крикнула Адалинда.

– Ур-р-ра! – крикнули солдаты.

– Уволю! Без пенсии! – пискнул сын бургомистра.

Но ему быстренько связали руки и засунули в рот давно не стиранную портянку.

Воодушевлённые живительной жидкостью и сияющим светом правды, солдаты под руководством Адалинды двинулись освобождать её дом. Кот со всеми удобствами ехал на плече сержанта, оглашая улицы радостными воплями. Обыватели горячо одобряли происходящие события, правда, почему-то, молча и из-за наглухо закрытых дверей и окон. Но отвлекаться на это не было времени.

Заглянув по пути в несколько питейных заведений и произведя там реквизицию необходимых материалов, революционный отряд вышел наконец на заданный рубеж. Двери тут же распахнулись и на крыльце, нагло сверкая ворованным ожерельем, появилась Гризельда, та самая племянница мага Эрландора.

– Почему мерзавка не связана?! – завопила она немедленно. – И где этот молодой козёл?

Гризельда вовсе не хотела никого оскорбить. Сына бургомистра звали Агидиус, что как раз и означало ребёнка, козлёнка, молодого козла. Но сержант, проникшийся уже революционными идеями, ответил грубо.

– Сама ты коза! – сказал он Гризельде.

– Арестуйте эту воровку! – приказала Адалинда.

Что происходит? Почему эта девка не связана да ещё и командует. И куда, в самом деле, делся этот ко... сын бургомистра. Впрочем, ведь на ней магическое ожерелье! Ожерелье, правда чужое, и она не совсем ещё с ним освоилась, но ситуация...

– Сорви покровы и раскрой все тайны! – продекларировала Гризельда, яростно вцепившись в ожерелье.

Мир вокруг подёрнулся какой-то странной дымкой, воздух задрожал и вокруг Гризельды закружилось что-то вроде маленького урагана. Впрочем, всё быстро успокоилось и вернулось в прежнее состояние. В прежнее, да не совсем. Заклинание сработало – покровы были сорваны. Все. И Гризельда стояла на крыльце совершенно голая. Правда, в ожерелье.

Но, как ни странно, именно это её и спасло. Солдаты не смогли осуществить арест, так как застыли, поражённые. Глаза их вылезли из орбит, рты раскрылись в довольных улыбках. На мундиры закапала слюна.

– О-о-о-о-о... – сладострастно простонал сержант, делая шаг вперёд. Из его правой руки вывалилось и упало на мостовую ружьё, а из левой – бутылка. Бутылка разбилась и пурпурная жидкость растеклась по каменным плитам.

– А-а-а-а-а... – разом выдохнули солдаты и тоже сделали шаг вперёд. Ружья, бутылки и прочие, ставшие ненужными предметы, градом сыпались у них из рук.

– У... У... неси меня отсюда! – срывающимся голосом выговорила Гризельда, сжав ожерелье так, что побелели её хорошенькие пальчики.

Мир снова дрогнул, вихрь снова закрутился и, подхватив обнажённую красотку, поднял её высоко в воздух и куда-то потащил.

Адалинда рычала, солдаты что-то мычали. Хорошо, что в доме ведьмы был очень даже неплохой винный погреб, благодаря которому отряд смог зализать раны и восстановить психологическое равновесие.

Впрочем, эта небольшая неудача оказалась, образно говоря, лишь маленькой капелькой дёгтя в огромной бочке мёда. Выяснилось, что р-р-революционные матросы тоже выступили и взяли под свой контроль все припортовые улочки, заняв там важнейшие объекты: таверны, кабаки, публичные дома. Зачем-то захватили и библиотеку, но, не найдя в ней ни вина, ни женщин, быстро её оставили.

Успех надо было закреплять, и революционные силы двинулись к ратуше. Революционные силы составляли солдаты отряда Адалинды, р-р-революционные матросы и массово прикнущившие к ним девушки с припортовых улочек, «девушки улиц», как назвал бы их поэт.

Ратушу обороняли только три человека: сам бургомистр, маг Эрландор и принесённая ветром Гризельда. Причём глупая Гризельда раздобыла где-то и накинула на себя какой-то старый халатик, что очень ослабило её магическую силу и влияние на массы.

Однако у неё всё ещё было ворованное магическое ожерелье, и Гризельда, крепко сжимая его бусины, начала громко напевать какое-то заунывное заклинание. Все застыли в оцепенении, воздух сгустился, краски дня померкли, а солнечный диск закрыла большая чёрная туча. Казалось, всё было потеряно, но в этот миг...

В этот миг на плече Гризельды появился маленький смелый мышонок. Своими острыми зубками он впился в нитку ожерелья и попытался её перекусить. Увы, нить была слишком прочна. Но подвиг отважного героя не пропал даром. Племянница Эрландора почувствовала прикосновение к своей шее, машинально скосила глаза и увидела... Увидела и заорала, так, как будто черти уже волокли её в ад. Кроме того, она резко рванула ожерелье, нить порвалась и сверкающие камушки запрыгали по плитам тротуара.

Все продолжали стоять в оцепенении, бусинки всё прыгали, магическая энергия бурлила тысячей призрачных вихрей. И вот, в жуткой, какой-то замогильной тишине...

– Д-д-демократический Д-д-дракон! – дико взвыл маг Эрландор, воздев вверх обе свои руки. – Приди! Спаси нас от Д-д-демона Р-р-революции!

Солнце померкло окончательно. Гризельда завопила ещё пронзительнее, мышонок жалобно пискнул и свалился с её плеча. А над Городом, оглушительно хлопая крыльями и изрыгая из пасти что-то похожее на горящий напалм медленно кружил огромный и страшный чёрный дракон.

– Долой, – сказала, почему-то шёпотом, Адалинда.

– Старый урод! – сказал бургомистр магу. – Он же теперь нас всех...

– Да здравствует д-д-демократия! – провозгласил Эрландор. Но тоже не слишком уверенно.

Дракон сделал ещё один круг над городом и плавно опустился на крышу ратуши. Послышался какой-то зловеющий треск, сменившийся оглушительным грохотом, под который крыша и стены ратуши медленно развалились на куски и осели на землю.

Защитники ратуши, к счастью уж или к несчастью, но успели отскочить и смешаться с революционерами. Впрочем те даже и не заметили этого – настолько были ошарашены и деморализованы.

Дракон брезгливо разгрёб своими птичьими ногами горы кирпича и щебня. Пророкотал задумчиво: «Очень хрупки в некоторых городах д-д-демократические учреждения». Задумчиво выпустил из пасти огненную струю. Вздохнул.

– Кто тут у вас пр-р-ротивник д-д-демократии?

– Они! Она! – радостно закричал бургомистр, энергично показывая обеими руками во все стороны.

– Сам ты... Коррупционер, – не полезла за словом в карман Адалинда.

- И жалование наше задерживаешь! – поддержали её солдаты.
- Хорошо... – рыгнул пламенем дракон. – Уже начались предвыборные дебаты.
- Ты, подлец, что натворил? – повернулся бургомистр к магу. – теперь же придётся выборы проводить. Досрочные.
- А иначе нас бы просто свергли. Может и со смертельным исходом.
- Не мог ты, чудотворец балаганный, такого дракона вызвать, чтобы полномочия мне продлил? А смутьянов этих...
- Да уж какого смог...

Ну, делать нечего, против слюны напалмовой не попрёшь. Пришлось готовиться к выборам. Как по мановению волшебной палочки облепили стены домов плакаты. Небо закрыли аэростаты. И везде бургомистрова рожа красуется. То есть, если сказать политкорректно – лицо. Так до утра эта рожа... лицо везде и висело. А наутро вышел народ на улицу, глядит... А вместо рожи везде – морда. Симпатичная такая кошачья морда. Так уж они с Адалиндой порешили: мол кот – это и политкорректно, и гламурно, и вообще здорово.

Да и люди смекнули, сколько раз человекообразных в бургомистры выбирали – все воруют. Так может попробовать кота? Ну и попробовали. И теперь у нас не город, а просто сказка. Никто не может сказать, что новый бургомистр мышей не ловит. Ловит, да ещё как!

Впрочем, не всех мышей он ловит. Для некоего маленького, но очень смелого мышонка, сделано исключение. Ни одна кошка, ни один кот в Городе не смеют его тронуть. Больше того, Августа Штерна обязали ежедневно выдавать мышонку весьма приличную порцию копчёной колбасы. Колбаса должна быть свежей и порезанной аккуратными кружочками. Мышонок растёт не по дням, а по часам, и вскоре, возможно, сравнится размерами с нашим новым бургомистром.

А другой бургомистр, тот, который бывший, открыл «Цирк хомячков» и делает огромные сборы. Сын его, Агидиус, разочаровался в злой Гризельде и снова полюбил Адалинду. Та, правда, не хочет его прощать, но юный романтик не теряет надежды. Да и Гризельды в городе больше нет. Мага Эрландора со всеми его бесчисленными племянницами и подставными фирмами из Города выперли. Хоть он и кричал, что без него вся жизнь прекратится. Не прекратилась.

Заботу об уличном освещении взяла на себя компания «Магические фонари Адалинды». Водоснабжением занимается «Магический водопровод Адалинды», а «Адалиндмагстрой» восстанавливает потихоньку разрушенную ратушу.

Вот только... Ну, помните, я уже упоминал то простенькое заклинание, которое и произносить-то не надо, достаточно просто промурлыкать. Так вот, наш новый бургомистр очень любит мурлыкать. И ходит везде. В результате вино, пиво и даже крепчайший шнапс мгновенно превращаются в молоко, кефир или какие-нибудь другие молочные продукты. Только поднесёшь ко рту стакан, глядь, а в нём уже простокваша. А то и вовсе сметана.

С другой стороны, все медицинские светила утверждают, что молочная диета гораздо полезнее алкогольной. Хотя задерживаться в нашем Городе эти светила, почему-то, не любят. А мы, горожане, так любим своего нового бургомистра, что согласны терпеть даже молочную диету. Тем более, что у Августа, в таверне «Неисчерпаемый подойник» посетителям всегда налиют крепчайшего бодрящего кумыса. Но только чур, я вам про это ничего не говорил...

Таковы правила Юрий Гарин

На углу тихого и пустынного перекрёстка, под тусклым, болезненно-жёлтым светом фонаря, стоял одинокий человек. Старые светофоры, ржаво скрипящие на провисающих проводах над серединами дорог, заученно сменяли цвета, но стоящий человек так и не увидел ни одной машины. Человек под фонарём в очередной раз обернулся, чтобы оглядеть дальний угол перекрёстка; из-под капюшона показалось худое овальное лицо, с тёмными мешками под впалыми глазами. Мужчина вздохнул, посмотрел на часы, но продолжил терпеливо ждать.

Прошло уже больше получаса, однако к человеку никто не приходил. Старый квартал, с его покосившимися, хрипящими от сквозняков и осевшими домами, обступал вокруг, заключая перекрёсток в непроницаемый, безвременный кокон. Мужчина переступил с ноги на ногу, слегка переместил на плечах объёмный походный рюкзак, потом выругался, снял его и бросил на землю, сел сверху.

Практически в тот же миг он услышал шаги. По брусчатке старого квартала отчеканивала чья-то быстрая и ритмичная поступь. Шаги приближались и в ночном сумраке проступил мужской силуэт, тугой рюкзак на его спине можно было принять за горб.

– Я же говорил не снимать! – резко бросил подходящий мужчина.

Человек у светофора вскочил и быстро закинул рюкзак обратно на спину.

– Здравствуйте. Это с Вами я переписывался? Меня зовут...

– Никаких имён! Это я тоже говорил. Если ты не собираешься меня слушать, или делать в точности то, что я скажу – можем разойтись прямо сейчас. Понятно?

Человек под фонарём молча кивнул. Он рассматривал подошедшего мужчину – среднего роста, коренастого, с резко выступающими скулами и немного впалыми щеками, покрытыми двух— или трёхдневной щетиной.

– Хорошо. Сделаем так, назовём меня Аргос, а тебя – Ясон. Под стать твоей просьбе, так сказать. Я буду твоим проводником и для тебя, ещё раз повторяю, каждое моё слово – закон. Иначе мы оба пропадём. Ты всё взял?

– Да, конечно, – поспешно ответил Ясон. – Хотя некоторые вещи... Ума не приложу... Но да, всё. Тёплую одежду, обувь, лыжные очки...

– Не надо мне перечислять, – тёмные, почти чёрные глаза Аргоса сверкнули в луче фонаря. – Всё так всё. Если ты что-то забыл, это уже не исправить. Если, конечно, ты не хочешь отказаться.

– Нет, нет, вовсе...

– Послушай, – тон Аргоса смягчился. – Таков порядок. Я должен спросить тебя ещё раз. И ты должен ответить утвердительно. Не моргнуть, не кивнуть, не сказать «конечно» или съязвить. Ты должен ответить только «да». В противном случае я повернусь и уйду, и больше ты со мной на связь выйти никогда не сможешь. Итак, ответь, ты точно решил сделать то, о чём попросил меня?

Ясон замер на мгновение. Ему казалось, что в такие моменты в голове должны пронеситься сотни мыслей, множиться сомнения. Но в голове было пусто. Он набрал воздух в лёгкие.

– Да.

Аргос внимательно посмотрел прямо в серые глаза путника. Потом кивнул.

– Хорошо. Тогда вперёд. Не будем терять времени.

Проводник повернулся, и, не дожидаясь, быстрым шагом направился вниз по улице, в темноту. Ясон, чуть замешкавшись, пошёл следом.

– Не терять времени, Вы говорите, но сами опоздали на полчаса.

– На «ты», – сказал Аргос. – Это специальные тридцать минут. Мы называем их «соус». Чтобы путник успел промариноваться. Принять окончательное решение. Те, кто ждут – не отказываются.

– А много их? – спросил Ясон.

– Кого?

– Тех, кто отказывается?

– У всех разные просьбы, – задумчиво сказал Аргос. – Я не собирал статистику. Но всегда есть те, кто только лишь думает, что принял решение. Оплата у тебя далеко?

– Рядом, – Ясон достал из бокового кармана рюкзака свёрток.

– Хорошо. Оставь пока у себя.

– Вы... Ты даже не проверишь?

– Нет, – коротко ответил Аргос.

– Но почему? Вдруг...

– Потому что я знаю, что всё в порядке. И я знаю, что ты всё взял. Мы всегда можем это понять.

Тёмная улица, словно русло реки, виляла и плутала меж теснящихся строений, проваливаясь всё глубже в непроглядную ночь. Около одного из домов, с массивным готическим крыльцом с пятью ступеньками, проводник остановился; повернулся к путнику.

– То, что мы собираемся сделать – очень тёмное искусство. Искусством я это называю только из уважения к своей работе. Это грязь, от неё потом не отмыться. Я бы назвал это злом, но зла как такового не существует. Ты должен быть готов ко всему. И более всего – ты должен быть готов пойти до конца.

– Я готов, – почти раздражённо повторил Ясон.

– Пока что – да, – мрачно сказал Аргос. Он взбежал по ступенькам и открыл массивную резную дверь, она оказалась не заперта.

В затхлом воздухе заброшенного здания витала пыль. По полусгнившей, но всё ещё на удивление крепкой винтовой лестнице они поднялись на второй этаж, зашли в спальню. Проводник сбросил рюкзак и закрыл дверь комнаты.

– Давай сюда плату, – сказал Аргос, доставая из рюкзака небольшой тубус и ножницы. Из тубуса проводник вытащил свёрнутый лист бумаги и расстелил его на полу – на бумаге был нарисован круг со множеством символов по его внутреннему периметру. Ясон протянул ему свёрток.

– Какого это было? – спросил Аргос, разворачивая обёртку. – Своими руками душишь кролика?

– Ужасно.

– Хорошо, что ужасно.

Аргос положил трупик кролика в центр нарисованного круга, взял ножницы и отрезал себе локон волос; он плюнул на кролика и прилепил локон волос на слюну.

– Это и есть плата за проход? – спросил Ясон.

– Это для того, чтобы я смог вернуться, – ответил Аргос. – Одевайся.

– Только ты? – спросил Ясон, надевая арктические сапоги с толстым слоем меха внутри.

– Мы вернёмся разными путями, – ответил Аргос. – Это последнее, прежде чем начнём. Слушай. Ты должен мне довериться. Я проведу тебя и буду помогать тебе. Я всегда буду рядом, но бок о бок я смогу быть с тобой только часть пути.

– И ты говоришь мне это только сейчас?

– Я обещал довести тебя и доведу, если будешь слушаться. Но за определённую черту мне пути нет. Я объясню тебе больше, когда до неё доберёмся. Нам пора. Надевай рюкзак. Очки на сразу на глаза. Шапку надвинь ниже. И лучше подними воротник. Перчатку с правой руки пока что сними.

– Мне уже жарко.

– О, не беспокойся – почти с улыбкой сказал Аргос. Он положил руку на старинную ручку комнатной двери. – Давай, мы должны открыть её вместе.

Ясон подошёл положил свою ладонь на руку Аргоса.

– Так значит, вход здесь? Почему именно здесь?

– Конкретное место не важно, – сказал Аргос и открыл дверь.

В комнату залетела снежная буря.

Ясон вскрикнул. Его лицо, даже скрытое за воротником и лыжными очками, будто располосовали ледяные бритвы.

– Перчатку надевай! – крикнул Аргос. – Держись сзади за рюкзак.

Комната наполнялась снегом. Они шагнули за порог двери и оказались на заснеженном горном перевале. Завывал ураганный ветер. Проводник двигался вперёд медленными, но уверенными шагами, проваливаясь почти по колено в снег. Путник шёл след в след, держась за специально пришитую сзади рюкзака проводника ручку. Вокруг шумела пурга, видно было на один или два шага вперёд, и Ясон удивлялся, откуда проводник знает, в какую сторону идти. Всё, что мог разглядеть он сам – это редкие, чёрные стволы деревьев, и какие-то небольшие ледяные столбы, которые они обходили стороной.

Холод пронизывал до мозга костей даже сквозь зимние одежды, рассчитанные на самые тяжёлые условия, сковывал движения. Они куда-то поднимались, шли медленно, и путнику скоро начало казаться, что следующий шаг он уже сделать не сможет. Но он делал ещё один шаг, и ещё один. Дезориентированный, почти на автомате, он только знал, что нужно держаться за рюкзак и переставлять ноги в появляющиеся перед ним дыры в снегу.

Когда Ясон уже в пятый раз потерял счёт времени, он почувствовал, что идти стало легче. Вскоре они вышли на какое-то подобие твёрдой тропы, занесённой снегом. По ней они, обходя ледяные камни, выбрались на высшую точку перевала. Тропа, уже различимая, вилась вдоль скалы, по левую сторону была отвесная пропасть. Ветер немного поутих, носимый плотной завесой снег расступился на открывшемся пространстве, и Ясон обнаружил, что за скалой, на горном плато, буквально в километре от них, раскинулся величественный, обнесённый стеной, заснеженный город. Ясон увидел ряды невысоких домов с плоскими крышами; улицы как лучи сходились к дальней от ворот части города, к площади, на которой стояло высокое здание – четырёхугольная пирамида с плоской вершиной.

Аргос развернулся, схватил Ясона за воротник и притянул к себе.

– Это Ицтлаколиук, – крикнул он на ухо. – Замёрзший город.

По скользкой скальной тропе, на которой Ясон дважды чуть было не сорвался в пропасть, они добрались до приоткрытых ворот города. Удивительным диссонансом, здесь не было ветра и почти не шёл снег. Они прошли за стену. Ясон увидел вблизи заледеневшие кубы зданий, и представил, как бы всё блестело и переливалось, если бы сквозь плотные облака пробивался хоть один луч солнца. Они двинулись вперёд по улице, и тогда путник наконец разглядел людей. Замёрзшими статуями, они застыли в разных позах – кто стоя, кто сидя, кто высываясь из окна; кто-то закрывал руками голову, видимо успев понять произошедшее, а кто-то застыл со спокойной улыбкой на лице.

– Что здесь произошло? – крикнул Ясон, но понял, что здесь не нужно было перекрикивать ветер, и смутился.

– Удар, – коротко отозвался Аргос. – В одно мгновение с неба рухнул мороз. Некоторые даже не успели ничего понять. Другие успели укрыться там. – Он указал рукой на пирамиду, возвышавшуюся над домами.

Они вышли на площадь, уставленную ледяными фигурами как шахматная доска. Здесь было мало замёрзших мирно – на лицах, покрытых инеем, застыл ужас. Проводник и путник

поднялись по ступеням пирамиды до среднего уровня, и у дверей внутрь остановились, чтобы отряхнуться.

– Ну, первый этап пройден? – с нервной улыбкой спросил Ясон.

– Нет, – Аргос толкнул двери. – Это была прелюдия.

Внутри пирамиды было очень жарко. Пространство напоминало восточный дворец, вокруг были развешены разноцветные шёлковые занавески, полы устланы коврами. Живые люди сидели или полулежали на подушках, кто-то потягивал кальян, кто-то занимался любовью, кто-то грелся у множества каминов. Ясон отметил про себя, что не замечал исходящего от пирамиды пара или дыма.

По команде Аргоса Ясон сбросил зимнюю одежду и в одном из углов он переоделся в милитаризованную одежду – берцы, свободные брюки с усиленными накладками на коленях и куртку с пластиковыми налокотниками. Проводник остался в своей одежде – джинсах и лёгкой кофте.

– Мои часы остановились, – с удивлением отметил Ясон.

– Оставь их, – приказал Аргос. – И телефон. Они тебе уже не понадобятся. С этого момента времени больше нет.

Они начали продвигаться между лежащих в халатах людей. Кто-то не замечал их, кто-то кидал хитрые взгляды, посмеиваясь. Когда они добрались до круглых дверей в конце этажа, проводник чертыхнулся.

– Стой здесь, – сказал он Ясону. – Ни с кем не разговаривай.

Аргос растворился где-то в глубине драпировок. Ясон замер на месте, стараясь не пересекаться взглядами с местными обитателями, чьи головы поворачивались в его сторону всё чаще.

– Эй, парень, – раздался голос. – Эй, парень! Иди сюда.

Ясон сделал вид, что не слышит.

– Эй! Ну же, иди. Присядь, отдохни. Спешить тебе не куда.

– Нет, – тихо, еле слышно пробормотал себе под нос Ясон. – Спешить нужно.

– Не нужно, – со смехом ответил голос. – Ничего нет, ни позади, ни впереди. Садись, переведи дух.

Ясон остолбенел, он был уверен, что его не услышат. Но теперь этого было не изменить.

– Отдохни, время тебе не враг, – всё призывал голос, со всех сторон послышались одобрительные возгласы. – Покури с нами. Хочешь вина?

– Да как вы можете? – крикнул Ясон, не поднимая головы. – Вы просто оставили этих людей там, снаружи?

– О чём ты? – искренне удивился голос. – О каком «снаружи» ты говоришь?

– О городе, где ударил лёд. Там, за дверями. О вашем народе, навечно застывшем.

– Я не понимаю, – смутился голос, но потом снова в нём прорезалась насмешка. – За дверями ничего нет. О каком холоде ты говоришь? Здесь тепло. У нас есть еда и вино. И все здесь. Эй, ребята, разве был какой-то ледяной удар?

Раздались крики отрицания.

– Иди куда идёшь, путник, – помрачнел голос. – Ты приходишь в чужой дом и оскорбляешь хозяев. Говоришь недостойные вещи. Ты думаешь, что знаешь больше нас? Кто тебе так сказал?

– Я сам видел, – сказал Ясон, слыша, как зашуршали халаты и подушки поднимавшихся людей.

– Видел, говоришь? Ты видишь только то, что тебе показали. Верись тому, что сказали. Ты думаешь, он приведёт тебя к твоему желанию? Он может лишь привести тебя к гибели. Знаешь, сколько подобных тебе прошло здесь? И не вернулся ни один. Зато те, кто остался, ещё ни разу не пожалели. Не так ли?

– Да, да, – раздалось с разных концов этажа.

– Впереди тебя ждёт лишь боль, парень. Ложь и обман. Ты решился на страшное, но ещё можно отказаться. Спасти свою душу от мучений. Оставайся. Не дай себя обмануть. Ты хоть представляешь, что тебя ждёт?

– А ну пошли прочь! – крикнул Аргос, подбегая к Ясону. – Я же говорил тебе не разговаривать с ними. Хочешь остаться здесь?

Ясон поднял взгляд на Аргоса, на обступивших их людей – разных возрастов и рас.

– Я...

– Ты хочешь? – уже серьёзно спросил Аргос.

– Куда ты уходил? – резко спросил Ясон.

– Не твоё дело.

– Куда? Договаривался об очередной сделке? Может быть ты хотел, чтобы я остался?

Лицо Аргоса исказила ярость.

– Слушай, парень. Мы договаривались. Либо ты слушаешься меня, либо идёшь к чёрту.

Сам. Я... навещал кое-кого. Кто остался здесь. И поэтому... ты пойдёшь со мной.

Аргос схватил Ясона за шиворот, толкнул плечом круглые двери и швырнул его вперёд, прыгнул следом.

Они упали на груды каких-то ломаных досок. Ясон отцепил руку Аргоса от своего воротника и побежал, пока его не остановил оглушительный хлопок.

– О боже, – прошептал Ясон, оглядываясь. Он оказался во дворе какого-то разрушенного здания. Нос заполнил запах пороха и гари, вокруг то и дело раздавались выстрелы, взрывы бомб – одна из них и оглушила его.

– Здесь нельзя останавливаться, – оказавшийся сзади Аргос толкнул Ясона вперёд.

Они побежали по улицам, пригибаясь, держась у самого их края. Весь город был охвачен огнём и войной. Разрывались снаряды, взметая в небо столбы пыли и осколки кирпичей. Были слышны крики; Ясон иногда видел солдат, перебегавших внутри руин когда-то величественных особняков; солдаты ругались и стреляли куда-то, будто бы пустоту.

– С кем они сражаются? – спросил Ясон.

– Они и сами не помнят, – ответил Аргос. – С неизбежностью.

На центральной площади, вспаханной бомбардировками, они, перебегая от воронки к воронке, добрались до здания ратуши. Аргос раскрыв двери.

Они оказались на этаже какого-то высотного здания. Этаж был заполнен толпой людей в белых рубашках и строгих костюмах, которые беспрерывно что-то выкрикивали, смотря на подвешенные над потолком табло.

Ясон шумно выдохнул, отряхнулся от пыли.

– Что это было? – спросил он.

– Город Морриг, огненный город, – ответил Аргос. – А это Полис Гермесион, золотой город. Правда, золота ты здесь не найдёшь.

– Всё это... – Ясон потёр лоб. – Как мы проходим через двери? Откуда ты знаешь, в какую дверь войти?

– Я уже отвечал тебе. Место перехода не важно. Доставай. Рюкзак можешь оставить здесь.

Ясон вынул из рюкзака большую стопку лотерейных билетов.

– Почему никто не проходит с нами? Не могут?

– Не хотят. Пойдём. Если к тебе будут приставать – раздавай билеты.

Аргос положил руку на плечо Ясону и повёл его сквозь толпу. В одинаковых белых рубашках, с одинаковыми короткими стрижками, мужчины подпрыгивали и пытались перекричать друг друга. Все фигуры и лица, в хаотичном доисторическом танце слились перед глазами Ясона, он не мог разобрать ни слова из их криков и ему начало казаться, что люди и не пытаются выкрикивать осмысленные фразы, может они и не люди – просто одинаковые

белы рубашки, кричащие белиберду. Одна из рубашек повернулась к Ясону, и на этот раз он смог разобрать слова:

- Продай! Продай!
- Что? – машинально переспросил Ясон.
- Молчи, – прорычал откуда-то сзади Аргос.
- Время! Время! – закричали с одной стороны.
- Душу! Душу! – закричали с другой.
- Шанс! Хотя бы маленький шанс! – безумно закричала повернувшаяся первой рубашка.

Ясон сориентировался. Он поднял над головой половину стопки лотерейных билетов и крикнул:

– Ещё один шанс! Есть ещё один шанс! Повезёт, обязательно повезёт! – он швырнул половину стопки в дальний от себя конец комнаты, толпа, повинувшись единому порыву, хлынула туда. По пути к внешнему коридору он раскидал вторую половину.

Они вышли на застеклённую галерею, ведущую к лифтовому холлу. В панорамных окнах Ясон увидел столпотворение небоскрёбов. У одного из лифтов проводник остановился.

– Дальше ты должен пойти один, – сказал он. – Но мы будем на связи. Я не вернусь обратно, пока что. Здесь есть одно место, где могу переждать.

Аргос передал Ясону небольшую рацию, крепящуюся на пояс и наушник.

– Прощай... – не то с сожалением, не то вопросительно сказал Ясон. – И... спасибо.

– За такое не благодарят, – ответил Аргос. Нажимая кнопку лифта.

– Погоди, погоди, я хочу ещё кое о чём спросить...

– Время вопросов прошло, – сказал Аргос и втолкнул Ясона в подъехавший лифт.

– Кто это будет? Кем он будет? – попытался спросить Ясон, но двери уже закрылись.

Ясон вышел из лифта в холл старинного отеля. По окружению он предположил бы, что на дворе двадцатые годы двадцатого века, но само здание отеля и антураж были явно старше.

– У тебя пятый номер, – сказал в ухо Ясону Аргос.

Номер, врезавшись в отель, был достаточно аскетичный. Односпальная кровать, с серыми, застиранными простынями и коричневым покрывалом, небольшой стол со стулом и шкаф.

– Сядь на кровать и слушай внимательно, – сказал Аргос.

Ясон подчинился.

– Ты... должен провести здесь месяц.

– Месяц?! – Ясон резко вскочил.

– Сядь я сказал. Да, месяц. Ни днём раньше – неизвестно, куда ты попадёшь. Ни днём позже – тогда ты уже не сможешь выбраться. Еда и выпивка здесь бесплатны. Можешь сидеть в номере, можешь гулять. Периодически я буду выходить на связь, проверять, так что держи рацию при себе. И, куда же без этого, ни с кем не разговаривай, – Аргос немного помолчал. – Хотя бы постарайся.

Ясон зажмурился, пытаясь представить себе всю вселенную терпения, которую ему придётся исчерпать за это время.

– Зачем это? Почему так долго? – спросил Ясон. – Это тоже один ваших «соусов»?

– Нет, не мы это придумали. Таковы правила. Нужно время, чтобы открылся путь. Нужно время, чтобы ты был готов пойти дальше.

– Но... – Ясон задумчиво крутил провод от наушника. – Как называется этот город?

– У него нет названия.

Медленно, тягуче медленно потекли дни. В первый же день Ясон выбрался в наружу, обойдя гигантский отель кругом. На следующий день он сделал круг больше. На следующий ещё. Людей на улицах было мало, все день и ночь сидели кто в барах, кто в ресторанах, кто, как предполагал Ясон, в своих номерах.

Город был странный. По архитектуре он напоминал викторианскую Англию, по уровню технологий – начало двадцатого века; такси же по дорогам ездили из всевозможных эпох со времён изобретения такси. В городе не было ни школ, ни больниц, ни полицейских участков. Всё, что видел Ясон – гостиницы, бары, рестораны и пабы. И вокзалы, множество различных вокзалов – на них ежечасно прибывали и отправлялись поезда. Но Ясон ни разу не видел, чтобы кто-то сел в поезд. Люди только ездили из гостиниц в пабы, и из баров в гостиницы. Кто-то медленно бродил по улицам. Не было слышно ни криков, ни смеха, ни даже громкого разговора.

Однажды Ясон спросил в баре грузного мужчину, сидящего рядом с ним за стойкой, почему тот не уедет на поезде.

– Ещё не время, – ответил мужчина. – Надо подумать. Это... всё не так просто. Слишком быстро, куда спешить? Зачем спешить? Поезда ходят часто... я успею. Надо только немного прийти в себя.

Ясон спросил, как долго мужчина здесь пробыл. Мужчина не смог ответить.

По ночам, ворочаясь в постели не в силах уснуть, и прокручивая в голове всё то, что он видел, и всё то, что привело его сюда, Ясону чудилось, будто он слышит тихие стоны и плач. Иногда ему казалось, что стонут все номера вокруг него, стонет весь город. В ночь перед последним днём месяца Ясон даже проснулся от громкого стоны – но на этот раз стонал он сам.

– Ты готов? – спросил в наушник Аргос утром следующего дня.

– Я уже еду, – тихо отозвался Ясон.

– Куда?.. – Аргос впервые замешкался. – В какой поезд ты сел?

– В первый попавшийся, – сказал Ясон. – Разве это не так работает?

Аргос немного помолчал.

– Что ж, – сказал он. – Тогда приятной поездки.

Ясон услышал в наушнике, как отключился микрофон.

Поезд ехал через леса, сквозь зелёные поля, по мостам и тоннелям. Ясона, одиноко сидевшего в купе в свежей одежде и чисто выбритого, вскорости укачало. Когда он проснулся, поезд уже стоял на конечной.

Ясон вышел на знакомую платформу, потянулся и вздохнул напоенный луговыми травами воздух, которого не чувствовал с детства. По дороге, петляющей по пролеску, он вышел к маленькому городку. Такому, каким он его запомнил. Из пекарни всё так же доносился запах дрожжей и свежего теста, здание общего пользования всё так же было закрыто на бесконечный аварийный ремонт, и даже водяная колонка – он подёргал ручку – всё так же плевала водой через раз.

И люди, ходившие вокруг, были ему знакомы. Каждый из них. Он вспоминал как их звали, кем они друг другу приходились и как относились к нему. Но они его не видели, не замечали. Только лишь один мальчуган девяти лет, с порванными на коленках штанами и взъерошенными волосами ответил взглядом на взгляд.

– Вот как, – пробормотал Ясон и подошёл ближе к пареньку.

– Здравьете, – сказал, как выплюнул, мальчик.

– Привет, – сказал Ясон.

– Кто вы?

– Я... – Ясон задумался. – Хочешь... Хочешь я расскажу тебе одну историю?

Мальчик пожал плечами. Они сели на скамейку в тени.

– Я заболел, – начал Ясон. – В тот период жизни, когда казалось, что всё наладилось, что я нашёл свой путь и будущее виделось истинно радужным, я заболел. И это было не исправить. Сам ли я был виноват в болезни или это воля судьбы – мне не известно, да и не важно. Важно для было лишь то, что я безумно хотел жить. Врачи не могли мне помочь. Я был у всех специалистов, ездил в разные страны – все только разводили руками и называли время, обозначали срок. Тогда я решил просить помощи свыше, но там мне никто не ответил. И я решил, что, если

не вверху, то, может быть, кто-то снизу может мне помочь. Я обращался к разным личностям, разным... но все они оказалась шарлатанами. Но однажды со мной связались сами. Написали мне с вопросом, чего я хочу и на что готов пойти. Назвали цену. И я согласился.

– На что? – спросил парень.

– Забрать душу. Срок был дан не только моему телу, это был и срок моей души в этом мире. Во всём должен быть порядок, как мне объяснили, и даже если продлить жизнь телу после срока – душа не отправится по предначертанному пути и будет навечно искалечена. Но можно подменить души, обменять свою на чужую, обменяться судьбами. Мне предложили забрать душу человека, которого ожидает долгая жизнь, и взамен наделить его моей душой, срок которой подходит.

– Вы пришли за моей душой? – спросил мальчик.

Ясон оглядел улицу, полную счастливой спешки.

– Знаешь, я родился в этом городе. Всё здесь было прекрасно. Природа, еда, вода, люди. Все люди, кроме одного. Был мальчишка, который вечно унижал меня. В детстве он просто издевался надо мной, когда подросли начал меня избивать. И никто не хотел меня слушать, все считали, что я преувеличиваю. Что я нытик, что, если всё правда – мне нужно быть мужиком и дать сдачи. Из-за этого хулигана моё детство превратилось в ад. А потом и школьная пора. Из-за неудачной шутки этого хулигана загорелся мой дом. Погибла вся моя семья. И я уехал из города, чтобы никогда в него не вернуться. Ты помнишь?

– Я помню, – ответил Аргос, сидящий рядом. – Я узнал твоё лицо ещё при первой встрече. Странно, что ты не узнал меня. Хотя столько лет прошло... – Почему ты стал проводником? – спросил Ясон.

– Потому что хотел помогать людям исправить то, что нельзя исправить.

– Тогда исполни свой долг. Отдай мне свою душу.

– Я хотел бы, но... тебе придётся забрать её самому, – сказал Аргос. – И я не буду сидеть смиренно.

– Знаю, – сказал Ясон, вставая. – Таковы правила.

Шатун Александр Дружинин

– Приехали!

Он открыл глаза. Запотевшие стёкла салона. Бритый затылок водителя. Нога затекла. Как я здесь очутился?

– Выходи.

– Это... – он шарил по карманам (Господи! Что на мне надето?) – у меня денег по ходу нет.

– Поездка бесплатная. Компания её тебе дарит, – усмехнулся бритый затылок.

Бесплатная... Как бы ни так. Что-то темнит водила. Вон даже лица не показывает. Никому нельзя верить.

– Точно бесплатная?

– Точно. Выходи уже.

Он вышел. Хлопнула дверь. Жёлтый автомобиль с чёрными шашечками на боку, рванул с места, и резко развернувшись, издав пронзительный пороссячий визг, скрылся в чёрной пасте тоннеля.

Тихо и совершенно безлюдно. Ни машины, ни человечка. Он осмотрел себя. Нелепая широченная куртка синего цвета. Под стать ей штаны. Одежка на слона сшита? Как же она называется? Ага, вспомнил – роба.

«Где я?»

Как он оказался в такси? Откуда приехал? Почему он здесь? Что теперь делать? Ответов на эти вопросы не было.

Пустое шоссе окутывал плотный, как крепостная стена, туман. Будто ничего не осталось на свете, кроме сизого марева и нескольких метров мокрой полоски асфальта.

Что это там впереди? Указатель?

Так и есть.

Город ЧИСТЫЙ. 1 км.

Он облегчённо вздохнул. Даже если по этой дороге так и не проедет ни одна попутка, минут через 20 он окажется в городе, попросит у кого-нибудь телефон, позвонит отцу или матери. Вперёд!

Туман расступился внезапно. Серая стена испарилась, словно её и не было. Он оказался в начале длинной прямой улицы, застроенной одно- и двухэтажными домиками, выкрашенными немаркими красками, с покрытыми черепицей, двускатными крышами, и большими глазами-окнами.

Асфальт под ногами сменила брусчатка, а воздух наполнился звуками. Грохот железных колёс тележек, шорох скребков и щёток, гвалт приглушенных голосов. Пахло хозяйственным мылом.

Периодически, будто из мощного рупора, трубным баритоном разносился один и тот же призыв: «Чистите! Очищая наш город, вы очищаете свою душу!»

И они чистили. Угрюмого вида подростки в одинаковых синих робах, разбросанные кучками по всей длине улицы, тёрли, скребли, намывали каменные бруски мостовой.

Что за дурдом здесь творится?

– Слышь, друг, – он схватил за рукав парнишку, толкающего перед собою тележку с ведрами. – Позвонить надо. Дай телефон, пожалуйста.

Парнишка отпрянул, будто увидел чёрта.

– Ч... чего?

– Родителям позвонить надо. Я потом тебе деньги на счёт закину. Пятьсот рублей. Отвечаю.

– Как твоё имя? – парнишка продолжал отступать, пятась к стене.

– Меня... Я... – это было ужасно, это было необъяснимо, но он не помнил своего имени.

– Где ты живёшь? Из какого ты цеха?

– Я... я не знаю. Не помню.

– Шатун! – заорал парнишка, как резаный. – Городовые! Шатун!!!

Тут же по бокам того, кого только что называли шатуном выросло несколько крепких ребят. На них тоже были робы, только не синие, как на всех остальных – чёрные.

Один из них, самый плечистый, сощурившись, поглядел ему прямо в глаза, – знаешь, кто я?

Он помотал головой.

– Не узнал предводителя городовых? – удивился другой «чернорубашечник», белобрысый, с тоненьким шрамом над бровью.

– Точно шатун, – маленькие глазки предводителя сверкнули хищным огнём. – Хватайте его!

«Шатун», пытаясь увернуться от леса рук, потянувшихся к нему, резко нагнулся, рванул в сторону, метнулся в образовавшийся просвет...

Путь преградил предводитель. Не размышляя ни мгновения «шатун», прямым ударом залепил здоровяку прямо в мясистый, усеянный угрями нос. Главный городской ойкнул, но на ногах устоял.

– Ну, мразь, этого я тебе никогда не забуду, – в руках предводителя появился чёрный, искрящийся на конце жезл.

«Шокер?» – подумал «шатун».

Пустота.

Очнулся он, лёжа в тележке, посреди большой площади, в центре которой стоял странный памятник зеленолицему гиганту, держащему в лапах нечто напоминающее плётку и серп. Памятник возвышался на массивном постаменте из чёрного мрамора, который был установлен на квадратной плите с четырьмя острыми шипами по углам. На постаменте светилась золотом надпись: «Порядок и справедливость».

Тело ныло. Голова гудела, как трансформатор.

– Смотри-ка, очухался, – предводитель схватил «шатуна» за шиворот, выдёргивая из тележки. – В Умный Дом сейчас зайдёшь. Советую быть попочтительнее, падаль.

Площадь венчало массивное здание с колоннами, которое на фоне своих одно- и двухэтажных собратьев выглядело настоящим колоссом.

Когда «шатун» оказался внутри, в огромном, словно половина футбольного поля холле, а городовые выстроились в шеренгу за его спиной, загремел гром. Этим громом был голос. Казалось он рокотал отовсюду – с потолка, с пола, с украшенных вычурными гравюрами стен, будто бы говорил сам здешний воздух.

– И впрямь, шатун, – грохотал голос. – Все беды от шатунов! И зачем только вас придумали, на нашу шею? – Голос вздохнул, отчего показалось, что по холлу пронёсся смерч. – Ладно, – голос как будто смягчился, – мы миримся с неизбежным злом. Нарекаем тебя Юмом Приблудным, шатун! Определяем в жестянщики. Проживать будешь на 4-й улице в доме №15, вместе с Шалом Безропотным. Но сначала, городовые! Доставьте парня в столовую на вокзале. Ему, как и всем новоприбывшем, положен обед в честь праздника. С прибытием в Чистый город! С днём рождения тебя, Юм!

На бесконечно длинный перрон, скрипя сотнями тормозных колодок, прибыл громадный состав. Из дверей, забрызганных грязью вагонов, испуганно озираясь, выбирались молодые люди в одинаковых синих робах. Встречающие – ребята такого же возраста, только одетые в чёрное, суетясь, деловито покрикивая, строили новоприбывших в неровные, готовые развалиться, колонны-очереди. Колонны медленно вползали во входы здорovenного серого здания, на фронтоне которого значилась надпись «Вокзал».

Внутри здания, параллельными линиями, располагались ряды столов и скамей, за которые, срывая глотки, городовые рассаживали всё прибывающих бесчисленных новичков. Между столами, как юркие мухи, сновали подростки в белых поварских колпаках, и расставляли с подносов миски с едой. «Без команды не жрать!», – рывкали городовые. Рассевшиеся новички жадно пилились на миски с пюре и котлетой, пуская слюну.

Вожак городских самолично усадил Юма за край одного из столов. Сам встал за его спиной. Когда последний из новоприбывших занял отведённое ему место, снова загрохотал голос, идущий, как казалось, от каждой точки пространства, так же как в Умном Доме.

«С прибытием вас, новые жители Чистого города! С днём рождения вас! Приступайте же к праздничной трапезе!»

Юм, желудок которого давно сводило от голода, набросился на нехитрую снедь. Пюре, приготовленное явно не из картофеля, было недурственным, а большая котлета, источавшая аппетитнейший дух хорошо прожаренного мяса, и вовсе великолепна.

Всякий раз, когда Юм принимался уплетать её за обе щёки, главный городской наклонялся к нему, и заглядывая в глаза, спрашивал: «Что, Приблудный, вкусно тебе? А? Вкусно?»

Юм кивал головой.

«Нажирайся. Долго такого ещё не попробуешь», – довольно отвечал полицейай.

По окончании обеда, новоприбывших, выстроенных в фаланги, повели в Умный Дом для распределения и наречения; Юма же, доставили по новому адресу проживания, в дом Шала Безропотного.

Шал, юноша хлипкого телосложения, протянул Юму руку.

– Привет, шатун!

– Вообще-то меня как бы Юмом назвали, – новый сосед в ответ руки не подал.

– Шатун, слово не обидное, – Шал опустил ладонь.

– А какое?

– Скорее, страшное.

Юм огляделся по сторонам. Простое убранство. Стол. Два стула. Часы-ходики. Двухъярусная кровать у стены. Чудная люстра с подставками для свечей, с которой до самого пола свисали цепи. Два окна. В простенке между ними глубокая ниша.

– Почему страшное? – спросил Юм.

– Загадочные вы, существа. Да ты садись, – Шал указал на стул. – Всех нормальных людей на поезде сюда привозят, а вы неизвестно откуда появляетесь.

– Слушай, – Юм присел, – да что это за место вообще?

– Нормальное место, – Шал вытащил из кармана огарок свечи. – Жить можно. Если порядок не нарушаешь.

– Какой на фиг порядок?

– Расскажу, – Шал вставил огарок в залитый воском подсвечник, – слушай. Каждый тут своим делом занят. Есть цеха – мусорщики, огородники, городовые... Мы с тобою жестянщики. Все работают с восьми до шести. Каждый седьмой день – выходной. В этот день мы моем и чистим город. До пяти часов вечера. После – личное время.

– Да. Весёлая жизнь!

– Я не жалуюсь.

Смеркалось. Шал чиркнул спичкой, зажёл огарок.

– У вас что, света нет? – спросил Юм.

– Электричества мало. Оно только для палок городских.

– Знаю. Меня такой штукой вырубил ваши сволочи.

– Драться нельзя. Ругаться нельзя. За это положены наказания, – флегматичным тоном провещал Шал.

– Какие наказания?

– Разные. А городовые – не сволочи. Они за порядком следят.

– А что ещё у вас нельзя? – Юм презрительно щурился.

– Опаздывать. Режим нарушать. Ленишься. Болтать лишнее. Если часто нарушать правила, случится самое страшное – из дому на ночь выгонят.

– Вот как? – шатун рассмеялся. – А что у вас можно-то?

– Работать. Соблюдать порядок.

Юм скривился. – Слушай, а если просто сбежать из вашего сраного города?

Шал побелел. Руки его задрожали. – Тихо! Закройся! Об этом даже думать нельзя, не то чтобы вслух говорить. А если...

– Что, если?

Пол качнуло, как при землетрясении. Подсвечник на столе подпрыгнул. И Юм снова услышал голос. Не такой громовой, как в Умном Доме, не такой раскатистый, как на Вокзале. Этот голос был тише и мягче, но точно также звучал словно бы отовсюду.

«Объясни ему, Шал!»

– Да. Да. Сейчас, – залепетал Шал, – прости его. Он же не знает.

– С кем это ты разговариваешь? – спросил сбитый с толку шатун.

– С домом!

– Чего?

– Все дома здесь живые. Они имеют глаза и уши. Они говорят с нами. Они наши учителя и хозяева. Все они связаны между собой. Что знает один, тут же узнают и другие. Ты сказал про побег – теперь про это знает весь город.

В этот миг на улице раздался отчаянный крик. Шал метнулся к окнам. Двумя рывками задрнул шторы. Шумно выдохнул.

– Кто кричал? – Юм пытался отдрнуть занавесь.

– Отойди! Нельзя! – Шал оттолкнул его от окна. – Потом узнаешь. А сейчас, спать!

Этой ночью Юм видел сон. Неясный и беспокойный. Смутно напоминающий ему о чём-то. Старшеклассники. Молодая учительница. Они зло подшутили над ней. Даже не зло – жестоко. Из сна непонятно, что именно они сделали, но сделали они нечто ужасное.

Девушка. Образ её размыт. Она учится в этом классе. Она против. Она сообщает учительнице, кто это сделал. Девушке обещана месть.

Первый рабочий день в мастерской жестянщиков показался Юму солёным и жгучим. Солёным от пота. Жгучим от соскочивших на пальцах мозолей. Сотня парней гнула листы металла под ведра и обручи, вальцевала, клепала, паяла, кроила, резала. Юму, как новичку, вручили молоток и зубило, заставив нарезать заготовки для ковшей совковых лопат. Выходило паршиво, что заметно злило Шефа – упитанного паренька – предводителя клана жестянщиков. Стоял лязг и грохот. Болели уши и голова.

Шал стоял рядом, ловко сшивая заклёпками, послушные его, слабым на вид рукам, жестяные листы.

– Слушай, – Юм наклонился к его уху, – здесь поболтать можно?

– О чём? – Шал отодвинулся.

– О том, как сбежать отсюда. Шум же. Мастерская ничего не услышит. И не увидит. Глаза домов, как я понял, наружу смотрят.

– Мастерская-то не услышит. И не увидит, – Шал покачал головой. – Зато другие увидят. Донесут, что видели шептунов.

– Кого?

– Шептуны – это те, кто шепчется, – пояснил Шал. – Если шепчутся, значит, говорят о запретном. Усёк?

– Эти что ль донесут? – Юм обвёл взглядом парней, работающих в мастерской.

Шал промолчал.

– Люди мрази, – сплюнул шатун, – никому нельзя верить.

– И мне?

– Тебе в первую очередь.

– Почему? – обиделся Шал.

– Одна кличка твоя об всём говорит – Безропотный. Такие как ты – первые предатели.

– Но ты же меня совсем не знаешь! – Шал опустил молоток. На глазах навернулись слёзы.

– Знаю. Всех я вас знаю, – буркнул шатун.

Обед был невкусным. Его даже не посолили. Ели недоваренные овощи, напоминающие картофель с капустой.

– Что за хрень? – поморщился Юм.

– Ямбур и холоша. Это то, что мы выращиваем на огородах. Другой еды в городе нет, – ответил Шал.

– А как же мясо? – удивился шатун. – Вчера меня накормили вкуснейшей котлетой.

– Мясо – это раз в год. На день рождения.

– А где вы берёте мясо? Тоже на огородах выращиваете? – усмехнулся Юм.

Шал замылся. – Где берём? Давай, потом расскажу.

– Эй, Безропотный! – окликнул Шала после обеда Шеф, – сегодня тебе за овощами на огороды идти. Возьми с собой друга своего в помощь.

– Соседа, – поправил Юм.

Огороды, раскинувшиеся за домами крайней, 16-й улицы, кормили весь район. Шал толкал тележку вдоль грядок, засажеными невысокими кустиками, ветки которых были усыпаны яйцеобразными плодами ярко-жёлтого цвета. «Ямбур», – пояснил Шал. Юм, увязая по щиколотку во влажной вскопанной почве, шлёпал за ним. Слева напозало молочное облако густого тумана. «Хмарь идёт – сказал Шал, – здесь часто бывает так».

Когда они оказались укрытыми плотной завесой, Шал остановился, присел на тележку.

– Спрашивай, что хотел. Дома далеко. Не услышат.
– Слушай, Шал, – Юм присел рядом, – ты помнишь, где жил, до того, как попал в этот город?

Шал покачал головой.

– Вот и я не помню. Но почему?

– А зачем помнить? Я помню только то, что меня привёз сюда поезд. Мне хватает.

– Неужели тебе не хочется знать?

Шал опять покачал головой.

– А почему в этом городе нет девчонок? Или они всё же есть? Ну, в другом районе.

– Кто такие девчонки? – не понял Шал.

– Как? – Юм подскочил с тележки, – ты и девчонок не помнишь?

– Кто такие девчонки? – повторил Шал.

– Ну, это такие же люди... – Юм замялся, – только другие.

– Какие другие?

– Ну... красивее, чем мы. И тело у них другое.

– У них несколько ног? – спросил Шал.

Юм хлопнул себя по лбу.

– Ладно, проехали. Я вот думаю, может, нас инопланетяне похитили? Перевезли на свою планету, стёрли нам память. Твою полностью, а мою частично. Постой, – спохватился Юм, – ты же, наверное, и про инопланетян ничего не знаешь.

– Знаю. Это те, кто живёт на звёздах.

– Ага! Значит, хоть что-то ты помнишь! А откуда ты это помнишь?

– Не знаю, – опустил голову Шал. – А звёзды я только из окна видел, потому что ночью на улицу нельзя.

– Да у вас ничего нельзя! – Юм сплюнул. – Что я здесь делаю? Мастерская знает, что мы на огородах. Нескоро спохватится. Другим домам не расскажет. А я сейчас, бегом к тому месту, куда меня такси привезло.

– Такси? – удивился Шал.

– Я знаю, где выход из города.

Шал рассмеялся. – Ты его не найдёшь. Из города убежать невозможно. А будешь пытаться, тебя наш дом ночевать не пустит.

– Да больно нужно!

– Какой же ты глупый, Юм, – Шал схватил его за руку. – Остаться ночью на улице – самое страшное наказание. После заката солнца, на улицы выходят *ночные*. Никто не знает откуда они появляются, и куда исчезают. Никто из живых их не видел. От них не уйти. Они задушат тебя. Растерзают.

– Ой, как страшно! А ты не думал, что дома вам просто сказку рассказывают, чтобы вы, овцы, боялись.

– Ты вчера ночью крик слышал?

– Да мало ли что я слышал.

– А знаешь, что ранним утром падальщики всегда подбирают трупы?

– Трупы?

– А из чего ты котлету ел? – Шал осёкся.

В желудке что-то толкнулось, прыгнуло. Юма вырвало прямо на куст ямбура. После он долго молчал, растирая виски ладонями. Наконец, спросил, глядя куда-то в сторону.

– Неужели никто не смог пережить ночь?

– Бывает, что иногда, трупы наказанных не находят, – ответил Шал. – Но им, тем более, не позавидуешь. Говорят, их забрал Кривой Дом. А попасть в него – хуже, чем к ночным уго- дить. Тихо!

Справа мелькнула тень.

– Огородник! – закричал Шал. – Подслушивал!

Юм бросился за тающей в тумане фигурой. Настигнув, сбил с ног, повалил на землю, ломая кусты ямбура. Оседлал. Занёс кулак для удара.

– Не бей! – раздался позади голос Шала. – Ещё сильнее накажут.

Под Юмом лежал и сучил ногами конопатый мальчишка.

– Пацаны, не бейте, – испуганно залопотал пойманный. – Я ничего не слышал. Я ничего не скажу. Клянусь.

– Отпусти его, – сказал Шал, – хуже будет.

Юм нехотя поднялся. Конопатый выскользнул у него из-под ног, и дал стрекоча.

Шал дрожащей рукой вытащил из кармана фуфайки блестящий кругляш. Поцеловал. Прижал к груди.

– Что это? – спросил Юм.

– Талисман. Пока он со мной, ничего плохого не может случиться.

Ночью Юму долго не удавалось заснуть. Скрипя пружинами, на нижней койке ворочался Шал.

– Тоже не спится? – спросил Юм.

– Хочешь расскажу, как можно покинуть город? – послышалось снизу.

– С ума сошёл? – Юм обомлел. – Дом же всё слышит.

– Об этом говорить можно, – ответил Шал. – Мы ждём поезда, который увезёт нас отсюда. Не всех, конечно. Только самых лучших. Тех, кто всегда слушал дома. Кто всегда соблюдал порядок.

– И куда же он вас увезёт? – спросил Юм с иронией в голосе.

– Туда, где лучшая жизнь.

Юм не ответил. Шал тоже долго молчал. А потом вдруг спросил, – друг, расскажи мне ещё о девчонках. Ты сказал, что у них тело другое. Какое оно?

– Ну... – задумался Юм, – у них грудь большая... и круглая. А ещё, у них между ног нет того, что есть у нас. Но когда, о них думаешь, тому месту, что у нас между ног, становится очень приятно.

– Я знаю, – сказал Шал, – сам часто там себя трогаю.

«А ну, заткнитесь, негодники! – зашипел дом. – Не смей говорить об этом! Ещё раз услышу – накажу страшно».

Сон, приснившийся этой ночью Юму, был ещё более туманен, чем предыдущий. Его, мревшие сумрачной кисеёй, неопределимые образы, проходили как вода, сквозь пальцы сознания, уплывая в таинственное никуда. Но Юм откуда-то совершенно отчётливо знал, что это сон о той самой девушке, и чувствовал, что любит её всем своим сердцем.

По брусчатке, никогда не знавшей автомобильных колёс, топали тысячи мальчишеских ног. Жители города спешили по мастерским и цехам, фабрикам и артелям. Нынешним утром хмарь снова взяла кварталы в тугую осаду. Юм с Шалом шли вместе с толпой по самому центру улицы. Туман был настолько густым, что скрыл дома по обочинам.

– Не видят они нас из-за тумана, сволочи, – сказал Юм, имея ввиду дома.

Шал кивнул.

– Слушай, а если прыгнуть в тоннель, откуда приходят поезда? Прыгнуть и дать дёру по шпалам!

– Пытались, – ответил Шал с грустной улыбкой, – да на котлеты пошли. В том тоннеле полно ночных. Даже днём.

Тут кто-то, неслышно подобравшийся сзади, схватил Юма за шиворот.

– О побеге разговор вести вздумали? – угрожающе произнёс чей-то знакомый голос.

Хорошенько встряхнув, вожак городских развернул подростков к себе лицом.

– Приблудный! Я так и думал. А ты-то Безропотный, – он укоризненно поглядел на Шала, – тоже туда же? В Умный Дом шагом марш! Оба.

Шал зажал в руке талисман.

– Стой, начальник, – на плечо вожака легла пухлая мозолистая рука. – Не они это говорили. Я рядом шёл. Видел.

Шеф!

– А не врешь толстяк? – городской прищурил мелкие глазки.

– Клянусь.

– Ну смотри у меня, – он с неохотой отпустил воротники. – Если соврал – не попасть тебе в поезд.

Радость по поводу счастливого избавления длилась недолго. Ещё до обеда с вожаком пришлось свидеться снова, когда он в сопровождении трёх полицаев явился в мастерскую жестянщиков. Из-за его спины вынырнул конопатый огородник и ткнул свой чумазый палец в сторону Юма и Шала.

– Вот эти двое.

– Сколько верёвочке не виться... – вожак потирал руки. – В Умный Дом их! Быстро! И толстяка прихватите.

– Сука! Ты же поклялся! – Юм бросился на огородника.

Не дотянулся. Двое полицаев схватили его и умело заломили за спину руки.

– Люди дерьмо! – Юм брызгал слюной. – Никому нельзя верить.

– А за ругань отдельно получишь, – ухмыльнулся вожак.

Умный Дом назначил нарушителям наказание. Шефа перевели в разнорабочие. Юма и Шала определили в падальщики – одну из самых презираемых каст Чистого города, на чьих плечах лежала жуткая работёнка – собирать трупы тех, кого растерзали ночные.

Падальщики вставали первыми. В мозглых утренних сумерках, по пустым ещё улицам, громыхала, поскрипывая ободьями, скособоченная телега. Телегу, схватившись за оглобли, тащил Юм. Пристроившийся позади Шал, подталкивал её на подъёмах.

– А может случиться так, что мы никого не найдём? – спросил Юм.

– Не знаю. Я падальщиком не работал. Первый раз по твоей милости горбачусь, – буркнул Шал.

– Не хнычь. Может быть, обойдётся.

Не обошлось. Уже за следующим поворотом их ждал первый покойник. Парнишка, раскинув руки, лежал прямо посередине мостовой. Ни увечий, ни крови. Если бы не синюшная борозда на шее, да не стеклянные пустые глаза, можно было подумать, что просто чудит пацан – развалился по центру улицы, словно на пляже.

Юм побледнел.

– Удушили беднягу, – констатировал Шал, движеньем ладони, закрыв убитому веки.

Погрузив тело, и укрыв его мешковиной, они покатали повозку дальше.

– Неправильно нас падальщиками называть, – вдруг сказал мрачный, как туча Юм.

– А как правильно? – удивился Шал.

– Чистильщиками.

– Почему?

– Я фильм видел, «Чистильщик» называется. Про мужика, который похожей работкой занимался.

– А что такое фильм? – не понял Шал.

– Узнаешь, после того как на поезде своём отсюда уедешь, – огрызнулся Юм.

Следующей жертве повезло меньше. Парня насадили на обломанный сук дерева, как кусок мяса на шампур. Борясь с подступающей тошнотой, пачкая кровью робы, они сняли несчастного с ветви.

– Пилу надо было взять, – пробормотал Шал.

– И башку тебе отпилить, – прошипел Юм.

– Я-то здесь причём?! – вознегодовал Безропотный.

– Всё готовы стерпеть, овцы.

– Тихо! – Шал взглядом показал на ближайший дом.

Апофеозом рабочей смены явился третий убитый. По нему будто бы прошёлся каток. В луже чернеющей крови лежал набитый костями мешок. Из пролома в раздавленном черепе пучилась ало-серая мозговая ткань. Юма вытошнило. Шал закусил до крови губу.

Жуткий груз надлежало доставить на вокзальную кухню.

– Хороший улов! – парень в белом поварском колпаке, откинул мешковину. – Эй! – крикнул он подручным. – Забирайте сырьё, и в разделочную!

Лицо шатуна стало багровым. Тело била мелкая дрожь.

– Да, – тихонько сказал Шал, – поварам ещё хуже.

Юм бросил на него испепеляющий взгляд.

– Представляешь, они же сейчас их потрошить будут, мясо с костей снимать, перемалывать... Я б не смог.

Это было последний каплей. Юм рванулся с места и побежал.

– Ты куда? – кричал вслед ему Шал. – Робы ведь надо стирать! Сушиться...

Он бежал. Переходил на быстрый шаг, и снова бежал. Он сможет найти место, откуда вошёл в этот город. Он выберется. Вот здесь его схватили городовые. Или не здесь? Да нет, здесь. Вот чахлое деревце. Вот двухэтажный дом с краповой черепицей. Ещё метров сто по прямой, потом повернуть направо, и...

Снова дерево. Снова краповый дом. Как же так? Может быть, надо свернуть налево?

Опять проклятое дерево. Опять чёртовый дом. Город не отпускал беглеца, водил заколдованными кругами. Беззвучно смеялись дома. Не уйдёшь, шатун! Отсюда дороги нет.

Он вернулся домой под вечер. Голодный, измотанный и раздавленный.

– Ты где шатался? – испуганные глаза Шала лезли на лоб.

– Гулял, – бросил Юм.

– Я тебе холошки припас, поешь, – Шал показал на стоящую на столе миску.

«Холошки ему?» – разнеслось вокруг.

Стол подпрыгнул. Миска со звоном брякнулась об пол. Свисающие с люстры цепи, как змеи потянулись к Юму. Оплели ноги. Рванули кверху. Шатун, очумело размахивая руками, повис вверх тормашками под потолком.

«Бежать он собрался!» – рокотал дом.

Невидимая и сильная рука принялась раскачивать подвешенного, как маятник. На максимальной амплитуде вlepила его тело в нишу между окон. Стены ниши сошлись, зажав Юма с обеих сторон. Захрустели кости. Перехватило дыхание.

«За такое я ночевать не пускаю, но, – голос дома стал тише, – учитывая, что новичок, прощу. Проведёшь ночь в нише. Поспать тебе в таком положении вряд ли удастся. Зато удастся подумать. Так думай, шатун!»

Когда ранним утром, кляня туман, Юм и Шал обшаривали огороды в поисках трупов, до слуха их донеслось жизнерадостное посвистывание. Дунул ветерок, и в образовавшемся просвете, их глазам предстала неожиданная картина. Огородник, тот самый конопатый стукач, восседал на гладко отполированном пне, держа в руке леденец на палочке.

Он вовсе не испугался.

– А! Драчуны! Леденцом поделиться? – осклабился он.

– Леденцы в награду за донос выдали, – пояснил Юму Шал.

– Ещё и выходной предоставили, – добавил стукач. А вы, черви трупные, – конопатый противно заржал, – мертвяков своих в жопы целуйте!

Юм с размаху саданул огородника в челюсть. Тот сверзился с пня и завопил: «Убивают! Спасите!» Сейчас же час из тумана вывалились невесть откуда взявшиеся городовые. Шал сжал в кулаке талисман.

Одного из полицаев Юм знал. Это был белобрысый парень со шрамом над бровью.

– Руки за спину! – приказал он Юму. – В Умный Дом доставлю нарушителя лично, – он обращался к помощникам. – Продолжать патрулирование.

– Теперь тебя ночные порвут! – крикнул огородник вслед уводимому шатуну.

На укрытой туманом площади городской остановился. Придержал конвоируемого. Огляделся по сторонам, и сказал тихонько: «Слышь, браток – огородник сволочь».

«Как и все вы», – подумал Юм.

– Короче, я ничего не видел, не слышал, – он расстегнул наручники. – Ты тоже. Иди.

– Ты где шрам заработал? – Юм разминал затекшие кисти.

– Твой предшественник наградил, – улыбнулся городской. – Но я на него не в обиде.

Сказав это, он скрылся в тумане.

Нынешний ночью Юм видел продолжение сна. Девушку, образ которой по-прежнему размыт и неясен, травят всем классом. Мечь ей – клевета. Кто-то украл у училки айфон. Его подбросили девушке в сумку. Все в школе убеждены, что воровка – она.

Она дома. Говорит, что хочет покончить с собой. Юм обещает ей привести предавшего друга – друга, что побоявшись стать белой вороной, принял сторону одноклассников. Друг знает, кто украл айфон. Юм убедит его рассказать правду. Девушка обещает дожидаться.

«Чистите! Делая чистым наш город, вы очищаете свои души!» – раздавался глас Умного Дома над площадью. Выходной с еженедельным «праздником» под названием уборка города. Юм с Шалом надраивали плиту под постаментом памятника «порядку и справедливости».

– А ну, подошёл сюда! – в трёх метрах от Юма, сложив на груди руки, стоял вожак городских.

– Чего ещё? – Юм отложил скребок.

– Огородник донёс, что ты бил его.

– Враньё.

– Руки за спину, и в Умный Дом шагом марш! – рявкнул вожак. – А ты, – он поглядел на Шала, – в повара пойдёшь. Лично Умный Дом об этом просить буду.

Шала заколотило.

Наползало облако хмари.

– Пожалуйста... только не это, – заныл Безропотный.

– Не унижайся, – Юм скосил на него презрительный взгляд.

– Заткнись, шатун. Твоё наказание будет страшным, – вожак доставал из-за пазухи шокер.

Их окутал туман.

Всё произошло очень быстро. Юм лягнул предводителя в грудь. Тот, заваливаясь в падении набок, приложился виском аккурат на один из острых шипов, обрамляющих постамент. Замер, лёжа ничком. На брусчатке разрасталась лужица крови.

- Теперь нам конец, – белый, как мел Шал, пятился назад от бездыханного тела.
- Бежим! – крикнул Юм.

Под прикрытием тумана они уходили на огороды. Упав на грядки, переводя сбитое бегом дыхание, Юм спросил, – Что теперь будет?

– Тебя на ночь из дома... Меня в повара навечно... И поезда мне не видать, – прохрипел Шал.

- Значит, пропали? – шатун сжал кулаки.
- В седьмом районе есть выход. Пятно света.
- Чего? – Юм схватил Безропотного за грудки. – Объясни!

– Город разделён на семь районов. Наш – четвёртый, как раз посередке. В первом районе жизнь самая мрачная, а в седьмом, она слаще всего. И там, говорят, есть пятно света. Если его отыскать, то...

- Что ж ты раньше молчал, сволочь? – взъярился Юм.
- Чтобы тебя не провоцировать. Потому что, может, всё это сказки.
- Откуда ты знаешь об этом?

Шал медлил с ответом.

– Ну!

– От прошлого шатуна. До тебя другой был. Я с ним почти год вместе прожил. Потому-то меня к тебе и приставили.

- Ох, ты и мразь! Правильно, что не верил тебе.
- Умолчание не обман, – вяло запротестовал Шал.
- Щас как вмажу, – Юм сжал кулак. – И где теперь тот шатун?
- Сгинул. Говорят, в Кривой Дом угодил.
- А ну, говори, как в седьмой район попасть!

– Не выйдет, – Шал замотал головой, – все дома уже знают о нас. Они увидят. Городовые тут же нас сцапают. Вот только туман развеется...

– Нас так и так сцапают, дурень! Давай хоть попытаемся, пока туман не развеялся. Ну! Говори!

Шал остервенело поскрёб макушку.

– Есть один способ. Правда...

– Говори!

– Сегодня приходит поезд с новенькими. После обеда, их построят в фаланги, и начнут разводить по районам. Если мы сможем до вокзала добраться, если сможем смешаться с толпой, затесаться в фалангу, что ведут на седьмой, то может быть, у нас будет шанс.

– Что ж мы сидим? – Юм вскочил на ноги.

Шал тоже рванулся было, привстал, но тут же снова опустился на грядку.

– Ты чего? – не понял его Юм.

– Друг... это... – Шал запинаясь. – Прости... но ты уже, считай, труп. Так меня только лишь в повара отправят, а если с тобой побегу – ночным скормят.

– Зассал, значит? – губы Юма скривились в уничтожающей улыбке презрения.

– Я не хочу умирать, – Шал опустил голову.

– Все вы здесь трусливые мрази, – шатун зло сплюнул. – Пердилы покорные, овцы и стукачи. Чтоб вас всех ночные тут разодрали! Будь вы людьми, пожгли бы дома эти сраные, наде- лали бы топоров с копьями – и в тоннель, на свободу.

– Я не хочу умирать, – глухо повторил Шал.

– Оставайся! Будешь кишки пацанам потрошить, их мясо от костей отделять, котлетки лепить.

Шал завыл, но с места не сдвинулся.

– Говно ты раздавленное, – Юм развернулся и решительным шагом зашагал через грядки.

– Пстой! – услышал он за своей спиной.

Шал, на груди которого болтался металлический кружок на цепочке, догнал его.

– Я с тобой.

– Откуда у тебя это? – Юм показал на талисман.

– Прошлый шатун подарил. Сказал, что это меня спасёт.

Погода смилостивилась над беглецами. Хмарь, укрывшая улицы пуховым одеялом, помогла добраться до места без приключений. Фаланга на седьмой уже отошла. Они едва успели пристроиться в хвост отряда, следующего до шестого района. «Ничего, – сказал Шал, – оттуда недалеко».

Город оказался больше, чем думал Безропотный. Уже вечерело, а фаланга, под окрики городских, всё мерила и мерила множеством ног нескончаемо длинные улицы. После того, как она пересекла, наконец, границу шестого района, её остановили у широкого невзрачного здания, под карнизом которого значилась надпись: ГОСТИНИЦА.

Опускалась ночь, которую ещё «неотсортированным» Умным Домом новичкам, требовалось где-нибудь переждать. Их заводили по двое. И когда дошла очередь до Юма и Шала, гостиница вдруг взорвалась сиреной.

«Чужаки! Беглецы из четвёртого! Городовые! Схватить!», – завывало здание иерихонской трубой.

Повинуясь инстинкту, они бросились прочь, в надвигающуюся черноту, не понимая, на что себя обрекают. Осознание пришло минуту спустя, когда, переводя дух, они обнаружили себя посередине совершенно пустой, тёмной улицы – фонари в городе были не предусмотрены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.